

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Черный ворон, я не твой

«ЭКСМО»

2007

Колычев В. Г.

Черный ворон, я не твой / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2007 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-24565-9

Плачет тюрьма по семейке Казимировых, лихо грабящей банки и не оставляющей живых свидетелей. И сыновья, и племянники Станислава Казиминова знают свое дело, да и племянница – яркая красotka Римма, играет не последнюю роль в семейной банде. Именно с ее помощью удалось подставить работника следственного изолятора Андрея Сизова, слишком много узнавшего об их промысле. Теперь Андрей между молотом и наковальней: и свои обвиняют в убийстве инкассатора, и бандиты грозят расправой. Это та самая патовая ситуация, когда надеяться остается разве что на самого себя...

ISBN 978-5-699-24565-9

© Колычев В. Г., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Черный ворон, я не твой

Глава 1

Новенькая инкассаторская «Нива» стремительно шла по шоссе. Приятная для глаз окраска – песочный цвет с зелеными полосами вдоль борта. Казалось, под капотом этой машины спрятан форсированный движок, а тяжелый бронированный кузов держит мощная подвеска. Но водитель ехавшего вслед за ним старенького джипа знал о недостатках преследуемого им автомобиля. Мотор неважный, особенно уязвим на старте – часто глохнет в момент начала движения. И подвеска усилена недостаточно – на крутых поворотах броневик сильно кренится. Именно на этом и намеревались сыграть преследователи.

– Приготовиться! – грубым и с хрипотцой голосом скомандовал крепкий, крупного сложения мужчина, сидевший рядом с водителем.

Он был пристегнут к своему креслу, но этого ему казалось мало – левой рукой он вцепился в потолочный поручень, правой – в ручку дверцы, ноги с силой вдавил в пол. И другие находившиеся в салоне люди также постарались закрепить себя – во избежание травмы в надвигающемся столкновении.

«Нива» на скорости вошла в правый вираж, и тут же дорога направила ее в левый – корпус опасно накренился вправо, в этот момент с ней и столкнулся джип. Инкассаторский броневик не смог удержаться на дороге, вылетел на обочину, а оттуда, перевернувшись, в кювет. Джип немедленно остановился, сдал задом, поравнялся с «Нивой», из машины выскочили три человека в камуфляже и масках – у одного автомат, у двоих пистолеты. Никто из них не пострадал при столкновении, но если бы кто-то и получил травму, вряд ли бы почувствовал боль – столько в их крови было сейчас адреналина.

Перевернувшаяся через крышу «Нива» лежала на боку. Грабители успели как раз к тому моменту, когда один из инкассаторов сумел открыть дверцы, чтобы выбраться из машины. Лучше бы он этого не делал. Сокрушительный удар прикладом по голове сначала вбил его обратно в салон, а затем сильные руки вытащили его наружу.

И в это время прозвучал выстрел. Это дал о себе знать второй инкассатор. Но поскольку он не мог вылезти из машины, стрелял он в белый свет как в копеечку. Скорее это была акция устрашения с его стороны. Зато грабители ничуть не сомневались в себе – стреляли на поражение. Главарь нашел цель в глубине искореженного салона и выстрелил из пистолета. Послышался предсмертный вскрик, и все стихло.

Налетчики обследовали труп инкассатора, изъяли у него ключ от специального отсека. Перекосившаяся от удара дверь долго не открывалась, но в конце концов сдалась...

Помимо денег, преступники забрали с собой избитого ими инкассатора, затолкали его в свой джип и увезли. Убивать его не стали. Едва он пришел в чувство, вышвырнули его из машины, а сами отправились дальше, к условленному месту, где их ждал автомобиль с подлинными госномерами. Там они сожгли угнанный прежде джип с фальшивыми регистрационными знаками и с деньгами отправились в родные края...

* * *

Расстояние от Москвы до Рубежа не самое большое, семьдесят километров, но первая треть этого пути – сплошная нервотрепка: заторы, пробки. Вторая треть – полегче: машин уже не очень, а полотно двухполосное, есть пространство для маневра. Дальше когда как: шоссе

узкое, по одной полосе в каждую сторону, и если тихоходных большегрузов много, то сильно не разгонишься. На первой стадии пути Андрею повезло: пробок почти не было, зато последняя треть изобиловала тяжелогруженными, а оттого медлительными фурами. Но ничего, к концу рабочего дня он все же доехал на своей «девятке» до развилки на Рубеж. Отсюда до города всего ничего – каких-то два-три километра по свободной шоссейной дороге.

– Как насчет пивка заехать попить? – спросил начальник.

Они оба возвращались из областного управления исполнения наказаний. У майора Каракулева совещание, у Андрея инструктаж, согласования и прочая казуистика...

– А надо?

– Да жарковато что-то. Осень, а жарко...

– Бабье лето.

– Бабье, бабье... – скороговоркой подтвердил Георгий Савельевич и кивком головы показал на кафе у самой развилки. – Давай, сворачивай...

Андрей послушно остановил машину напротив парадного входа с мраморным крыльцом и стальными поручнями. Неоновая вывеска над козырьком – «кафе-бар-пиццерия» «Беллиссимо», чуть ниже – «Итальянская кухня». Понятно, что в заведении с таким названием не может быть что-то иное. И еще одна вывеска, с другой стороны двери – «Мотель» с одноименным названием.

Но к придорожному кафе прилагалась не только гостиница. К двухэтажному зданию из добротного оранжевого кирпича примыкала каркасно-пластиковая галерея из боксов автосервиса. Ремонт, шиномонтаж, мойка. Целый сервис-центр. Строгий дизайн, облагороженная территория, порядок и чистота.

Андрей уже собрался было вытащить ключ из замка зажигания, когда в радиоэфире пронеслось сообщение об ограблении инкассаторов. И все же он обесточил машину.

– Погоди-ка! – заинтригованно махнул рукой Каракулев, призывая Андрея включить радио. – Интересно же...

«...В пригороде Екатеринбурга в доме пострадавшего инкассатора обнаружен тайник, в котором находились семьдесят восемь тысяч рублей из общей похищенной суммы. По мнению следствия, факт обнаружения денег дает основания предполагать, что именно этот инкассатор был причастен к преступлению, совершенному месяц назад, когда, напомним, грабители застрелили одного инкассатора и похитили два миллиона девятьсот сорок тысяч рублей, принадлежавших „Транснационалбанку“»

Георгий Савельевич снова махнул рукой, на этот раз призывая Андрея выключить радиоприемник.

– Грабители похитили, тоже скажут, – усмехнулся он. – Похищают воры, а грабители грабят...

– Как ни скажи, а почти три миллиона – тютю, – заметил Андрей.

– М-да, три миллиона... И что дальше? Инкассатора прищучили, теперь и остальных возьмут... А я знал, что инкассатор причастен, – сказал Каракулев. – Так чаще всего бывает...

– Нам-то что? Где мы, а где Екатеринбург. Нам этими ребятами не заниматься.

– Да нам и своих грабителей хватает.

– Какие у нас грабители? – хмыкнул Андрей. – Мелюзга. Кто-то кое-где у нас порой...

Грабителей в тюрьме хватало, но все какие-то несерьезные – наркоманы, обирающие по ночам случайных прохожих; шпана, под угрозой ножа завладевшая выручкой ларечника; барсеточники, на ходу срезавшие подметки с водителей легковых автомобилей, а если точнее, то избавлявшие их от сумок и прочих ценных вещей, находившихся в машине. Но все это мелочь, не заслуживавшая внимания прессы. Разве что в прошлом году маньяк был, который проституток убивал. Но этот осужден на пожизненное и отбывает наказание на острове Огненный. О нем уже забывают стали.

Другое дело – громкие ограбления инкассаторов и даже целых банков. Занятие, за последнее время прочно вошедшее в моду. Но в Рубеже и окрестностях с этим пока все спокойно.

– Ну почему же, у нас тоже весело. Захаркин у нас за что сидит? Обменный пункт пытался ограбить...

– Пытался, но не смог.

– Потому и не попал в выпуск новостей.

– Зато вообще попал. К нам.

– И еще один фрукт к нам едет. Жену свою застрелил, на мост привез, чтобы в реку сбросить. Случайно взяли, с поличным.

– Кто такой?

– Ты его не знаешь. А я о нем только наслышан. Теперь вот придется познакомиться. На днях у нас будет... Тьфу ты, нашли о чем говорить.

Разговор этот начался в машине, а закончился в прохладном вестибюле кафе-мотеля. Немолодая, но симпатичная женщина за стойкой-ресепшен без слов показала на широкую арку, занавешенную бамбуковой шторой. Андрей невольно остановил на ней взгляд. Смугловатая, черноглазая-темноволосая и белозубая, с пышными формами и энергетической улыбкой, она казалась воплощением типичной итальянки. Для полноты ощущений не хватало только «Беллиссимо, синьоры!».

В зале кафе царили приятный полумрак и комфортная прохлада, звучала приглушенная музыка – нечто вроде итальянского фольклора. И само кафе было оформлено в стиле итальянской таверны – деревянные стулья, клетчатые скатерти, развешанная по стенам кухонная посуда, камин и, конечно же, винные бочки у стойки бара. Десятка два столиков, почти половина из которых была занята. Случайные проезжие, водители-дальнобойщики, клиенты автосервиса – в основном мужчины. Клиентов обслуживали две официантки в одеждах, чем-то напоминающих костюмы итальянских горожанок эпохи Возрождения, но с укороченными подолами. Обе были заняты, и появившихся в зале офицеров смогли сопроводить лишь утомленно-улыбчивыми глазами.

Но едва Андрей и его начальник заняли столик, откуда-то из-за барной стойки к ним вышла девушка – чуть ли не копия той женщины, которую Андрей видел за ресепшен. Омоложенная, улучшенная и более утонченная копия. Роскошные светло-каштановые волосы по плечи, большие и слегка раскосые глаза – черные, переливающиеся масляным цветом оливки. Смугловатая от природы и сдобренная солнечным загаром кожа, в меру крупные и правильные черты очень красивого лица. Фигура самая что ни на есть фигуристая – не широкие, но и не узкие плечи, выдающийся приподнято-упругий бюст, тонкая талия, широкие бедра при стройных и по-настоящему длинных ножках. Она была в короткой, до пупа, футболке, в тугих и низко спущенных на бедра джинсах – отчего взору открывался плоский и даже чуточку рельефный животик – кожа загорелая, но не утратившая от этого своей природной нежности. Андрею так вдруг захотелось провести ладонью по этой волнующей глади, что пришлось с силой сжать кулаки, дабы удержаться от спонтанного искушения.

– Здравствуйте!

Девушка одарила их яркой белозубой улыбкой, но Андрей не почувствовал в ней тепла. Казалось, она была вежлива с посетителями по принуждению. Смотрела на них, а думала о чем-то своем, о женском. Думала с гонором и чувством собственного достоинства.

На груди у нее красовался бейсик. «Римма. Старший официант». Теперь Андрей знал ее имя.

– Пожалуйста!

Она положила на стол две папки меню с винной картой и повернула в обратную сторону. Андрей мысленно одернул себя, когда понял, что его взгляд непотребно прилип к ее месту,

которое обычно называется мягким, но не всегда бывает таковым. Попка у нее была выдающейся в буквальном смысле этого слова – выпирающая назад, но хорошо приподнятая вверх, наверняка, плотная и упругая на ощупь. Хотел бы Андрей оказаться на месте того счастливого, которому позволено ощупывать это чудо...

– Смотри, глаза выскочат, – понимающе глянув на него, усмехнулся начальник.

– Да я уже и не смотрю, – пожал плечами Андрей.

– Но смотрел же. И как смотрел!.. Было бы странно, если бы не смотрел... Южная красота.

– Да, но не с Кавказа.

– Не похоже, что с Кавказа, – соглашаясь, кивнул Георгий Савельевич. – Римма зовут. Вроде бы и славянское имя, а звучит как Римма из Рима... Может, из Италии выписали, а? В Италии все такие выдающиеся и грудастые. Кровь с молоком. Нет, кровь с молодым вином... Что-то и пива уже не хочется. Винца бы, итальянского... Что там у нас?

Каракулев открыл свою папку, Андрей свою. Типичная итальянская кухня – пицца, ризотто, карпаччо, лазанья, пасты, сыры. И, конечно же, вина – красные, белые, сладкие, игристые. Итальянские до двух тысяч рублей за бутылку, отечественные подешевле, но все равно дорого. Зато на пиво цена не кусалась, подмосковное можно было взять по тридцаточке за полулитровый бокал. И блюда не очень дорогие, если сравнивать с ценами в столичных заведениях такого же итальянского толка. Тарелку ризотто с креветками можно было взять всего за семьдесят рублей, в то время как в Москве меньше чем за двести и не подходи. Та же примерно история и с мясной лазаньей. Пицца тоже сравнительно недорогая. Вопрос – какого качества? Нельзя же скроить из одной шкуры семь больших шапок, на чем-то придется экономить.

– Нет, вино мы пить не будем, – решил Георгий Савельевич. – Не для того заезжали. А пивка холодненького хлебнем... Не знаю, что ты будешь, а я пельменей себе возьму...

Пельмени здесь на итальянский лад назывались «пельменио», но суть от этого не менялась. И подавались они со сливочным маслом и сметаной – чисто на русский лад. Да и по цене очень даже доступно.

Андрей тоже решил было заказать себе пельменио, но с появлением красавицы-официантки все переиначил. Ему вдруг показалось, что с таким заказом она посмотрит на него как на недалекую деревенщину из русской глубинки. Тогда уж точно ему не завладеть ее вниманием. Чтобы соответствовать, он заказал себе оссобуко по-милански с ризотто. Но Римма отнеслась к этому так же безразлично, как и к пельменям, заказ на которые сделал Каракулев. И дешевое пиво не вызвало у нее никаких антипатий. Казалось, ей было все равно, что заказывали клиенты. И они сами по себе совсем ее не интересовали.

– И что ты там себе такое заказал? – насмешливо спросил Каракулев, когда она ушла.

– Оссобуко. Особенное буко...

– Ага, что-то особенное. А она никак не ведется, да?

– А как она должна? Глазками играть?.. С какой стати?

– Да, контингент здесь такой, что волю своим эмоциям лучше не давать, – с натяжкой согласился начальник.

Как и Андрей, он понимал, что никто из них двоих не произвел на Римму ни малейшего впечатления.

Оссобуко с ризотто представляло собой тушеное мясо на полый кости с рисом оригинального приготовления. Андрею очень понравилось. И пельмени, по словам начальника, превзошли ожидания. Оказывается, в этом кафе приятными были не только цены, но и качество.

– Я, наверное, теперь сюда обедать приезжать буду, – сказал Андрей.

– Не обольщайся, – усмехнулся начальник. – Кафе недавно открылось, поэтому и цены пока не кусаются... Да и не цены тебя завлекают, да?.. Жениться тебе пора, парень. Двадцать девять лет как-никак. Скоро тридцать...

– Я подумаю.

С женитьбой ему не везло. Одна любимая девушка ушла от него к местному богатее, другая вышла замуж за московского миллионера. После них были другие девушки, но ни одну из них он близко к себе не подпускал – боялся обжечься в очередной раз. А Римму он бы подпустил к себе не задумываясь. Но, судя по всему, она сама не хотела подходить к нему – ни в прямом, ни в переносном смысле. За расчетом к их столику подошла обычная официантка. Красавица-южанка так и не появилась.

* * *

Андрей был за рулем, поэтому он выпил всего одну кружку пива. Пока добрался до дома, легкие пары алкоголя полностью развеялись на ветру. Но желания познакомиться с официанткой Риммой не утихло, напротив, вспыхнувшая страсть еще больше разгорелась. И его неудержимо потянуло обратно в кафе-мотель «Беллиссимо», хотя он и понимал, что это не самое умное решение с его стороны. Дома он переоделся в штатское, взял все деньги, что у него были, и на машине отправился на перекресток с московским шоссе.

В модном джинсовом костюме зашел в кафе, занял свободный столик и замер в ожидании. Он очень хотел, чтобы к нему подошла Римма. Но ее нигде не было. Появилась просто миловидная девушка с дежурной улыбкой на губах. Судя по бейсику на груди, ее звали Вероника.

– А где Римма? – через силу спросил он.

Он не был стеснительным парнем, умел заводить знакомства с девушками. Но сейчас он чувствовал себя довольно скованно. И находишься сейчас возле его столика Римма, он бы, пожалуй, не смог заговорить с ней.

– Римма сейчас дома, но скоро будет, – с подозрительным интересом посмотрела на него девушка.

– А она что, где-то рядом живет?

Второй вопрос остался без ответа.

– Заказывать что будете? – спросила Вероника.

Она не хотела говорить о Римме, да и времени у нее на это не было. Судя по большому количеству посетителей, заведение пользовалось спросом, и девушки-официантки здесь были нарасхват – исключительно по прямому должностному предназначению.

Андрей заказал пиццу «Сицилиана» и кружку пива. И когда Вероника ушла, осмотрелся в поисках Риммы. Ее нигде не было, зато из-за высокой барной стойки сычом на него смотрел какой-то парень с ежиком светлых волос и с широким по-славянски скуластым лицом. Бармен с полотенцем на плече стоял рядом, а этот, хоть и мешал ему работать, чувствовал себя за стойкой вполне комфортно, как будто находился здесь на правах хозяина. Андрей упер в него встречный взгляд, и этого хватило, чтобы парень отвел от него глаза, а затем и вовсе скрылся в дверях за стойкой бара.

Андрею не очень нравилось, что начальник поддразнивал его из-за Риммы. Но сейчас он жалел о том, что его нет рядом. Пусть подначивает, лишь бы разговор шел о ней. Он бы и сам рассказал, как нравится ему эта необычная девушка.

Но говорить о Римме и вообще было не с кем, и сама она не спешила появляться. Андрей съел одну пиццу под пиво, вторую под бокал вина, а ее все не было.

За окнами уже давно сгустилась мгла, а народ все прибывал. Одни уходили, другие приходили, поэтому битком зал не наполнялся, но в какой-то момент в нем не осталось ни одного свободного столика, Андрей же продолжал занимать свой. И тогда к нему подошел тот самый скуластый парень из-за барной стойки. Симпатичное, в общем-то, и располагающее к общению лицо резко контрастировало с его жестким и в какой-то степени злым взглядом. Нескладное,

но на первый взгляд мощное телосложение, коротковатые для его роста, но сильные руки с длинными корявыми пальцами. Он без приглашения отодвинул свободный стул от столика, сел на него, широко раскинув ноги. И нагло спросил:

– Долго еще сидеть будешь?

– А вы, извините, кто такой? – безмятежно ответил Андрей.

Он знал себе цену и ничуть не роптал перед этим типом.

– А если я за главного здесь?

– А если я из газеты?

– И что? – ничуть не смутился парень.

– А то, что написать могу, как в этом кафе посетителей жалуют. Совсем не жалуют, напишу.

– Не напишешь, – не соглашаясь, покачал тот головой. – Ты не журналист, ты военный.

– С чего ты взял?

– А вечером тебя видел, ты в форме был.

– Я тебя не видел, а ты меня видел.

– Тебе не обязательно меня видеть. А я все вижу. И все замечаю. Как ты на Римму смотрел, видел...

– Как?

– Нельзя на нее так смотреть, как ты смотришь, – угрожающе насупился парень. – Не для таких, как ты, она...

– А для каких?

Андрей понял, что этот здоровяк не уступит ему Римму – во всяком случае, без боя. Или он сам влюблен в нее, или ему просто нужен повод, чтобы выместить на ком-то свою природную злобу.

– Не для тебя, короче... Римму ждешь? Не будет ее сегодня. Ехал бы ты отсюда подбурпоздорову.

– Это угроза, – мрачно глянул на него Андрей.

– Может быть. Но я тебя предупредил.

– Римма – красивая девушка, и на нее многие засматриваются. И ты всех так предупреждаешь?

– А всех. И не только предупреждаю... Не нравится мне, когда к ней всякие лезут...

– Странный ты какой-то, – криво усмехнулся Андрей.

Но парень не отозвался. Как будто уже и забыв о нем, поднялся с места и направился к своей стойке.

Часы показывали без четверти одиннадцать, когда Андрей собрался уходить. Людей к этому времени было немного, официантки уже не сбивались с ног, и та же Вероника, если ее хорошо попросить, могла бы объяснить ему, куда подевалась Римма, которую он понапрасну ждал. Но Андрей не стал ни у кого ничего расспрашивать, молча вышел из кафе, сел в машину и уехал – с твердым намерением вернуться сюда в самое ближайшее время.

Глава 2

Арестантский люд шел в тюрьму этап за этапом. То ли в гражданском обществе прорвало какую-то заслонку, отчего преступления следовали одно за другим, то ли милиция вдруг, оправившись от сезона отпусков, на порядок повысила показатель раскрываемости, а может, и то и другое. Так или иначе, следственный изолятор переполнился настолько, что в самую пору было запускать судебный конвейер, чтобы отпускать под залог или подписку людей, взятых под стражу за незначительные преступления. Но суд работал в прежнем консервативно-замедленном режиме, а прокуратура и милиция, казалось, нарочно увеличивали поголовье арестантов, как будто хотели доказать этим высокую эффективность своей работы.

Впрочем, Станислав Казимиров и не мог рассчитывать на снисхождение нигде – ни в милиции, ни в прокуратуре, ни в суде. Он был арестован за убийство своей жены. Его машину остановил экипаж патрульно-постовой службы, когда он вывозил труп к реке, чтобы там от него избавиться. Отнекиваться от убийства было бесполезно, да он и не стал этого делать. Сам чистосердечно во всем признался, еще когда находился в изоляторе временного содержания. Там же было предъявлено обвинение, оттуда его и доставили в тюрьму, о которой он думал без панического страха, но с внутренним содроганием...

В детстве Стас Казимиров любил играть в войну, но почему-то в отличие от других своих сверстников ему нравилось быть на стороне фашистов. Может быть, виной тому были его далекие немецкие корни. То ли прадедушка, то ли более дальний предок по линии отца был выходцем из Германии. От его имени, говорят, и пошла фамилия, которую Станислав носил с гордостью. С такой же гордостью, какую в свое время испытывал его дед, участник войны, получая орден Славы за взятие Берлина.

В армии он всерьез искал в своем облике признаки, указывающие на его немецкое происхождение. А чуть позже, уже будучи студентом, даже пытался разглядеть в себе истинного арийца. В какой-то антифашистской книге разыскал признаки человека «высшей расы». «Высокий и стройный» – это ему подходило, но с некоторым ограничением. От природы и от усиленных занятий греко-римской борьбой к двадцати годам он приобрел мощную шею, сильные и пугающе покатые плечи, и к этому в довесок – некоторую сутулость. «Длинный череп и узкое лицо» – под этот признак он явно не подходил. Череп у него был самым обычным, а лицо, как назло, широким. Еще у него должны были быть «узкий лоб, слабо изогнутые брови, узкая спинка носа, узкий угловатый подбородок». В этой части у него все было с точностью до наоборот. Широкий «римский» нос, резко загнутая к носу форма бровей, подбородок настолько мощный, что иногда казалось, будто он врос в шею. Кожа лица должна была быть «розовато-белой», но Станислав обладал природной смуглостью. Зато волосы на голове у него росли хорошо и густо – в точности как предписывалось. И цвет их соответствовал арийским признакам – «светлый, с вариациями от белобрыхых до золотистых, иногда с красноватым оттенком». Никакой красноты в его волосах никогда не наблюдались, они были светлорусыми, а иногда выгорали за лето до белизны. Но это было немного из того, что совпадало с требованиями нацистских идеологов и с чаяниями самого Станислава.

В восемьдесят третьем году он женился на беременной от него однокурснице, в конце того же года родился сын. В восемьдесят четвертом он закончил институт, в том же году, опять же в конце, жена принесла второго сына. Работа, семья, заботы о житье-бытье... В этом водовороте проблем утонул его интерес к своей внешности, вернее, к национальной ее составляющей. А в восемьдесят пятом году женился его старший брат Ростислав. И на ком женился... До армии он закончил техникум автомобильного транспорта, затем два года отслужил в автобате, после чего отправился в Тольятти, где устроился работать на знаменитом заводе. И откуда однажды приехал в отпуск на собственной «Ладе» и с красавицей-женой. Его избранницу

звали Виттория, и была она дочерью итальянского рабочего, в свое время приехавшего строить «АвтоВАЗ». Виттория не знала своего отца, он исчез еще до ее рождения. Зато мать дала ей итальянское имя, но оставила свою русскую фамилию. Но как бы то ни было, в наследство от отца ей достались типичные для его нации черты лица и характера. Славянская кровь матери также давала о себе знать. Одним словом, к семнадцати годам девушка расцвела и стала настоящей черноокой красавицей с южным темпераментом и русской широтой души.

Станислав позавидовал брату. И даже пытался приставать к его жене. Виттория сгоряча отхлестала его по щекам, когда он однажды зажал ее в темном углу родительского дома, но великодушно промолчала – ничего не сказала мужу, хотя и могла. У брата закончился отпуск, и он вместе с женой отправился обратно в Тольятти. А у Станислава появился новый пункт. Он вдруг принялся искать в себе признаки итальянца. Вскоре после этого советское телевидение показало сериал «Спрут» о мафиозных кланах в Палермо. И он с тихим восторгом обнаружил, что как две капли похож на мафиози Тано Каридди в исполнении итальянского актера Ремо Джирони.

Первое время он мнил себя сицилийским мафиози и в начале бурных девяностых даже попробовал организовать свой клан и заняться рэкетом. С друзьями обложил данью коммерсантов-ларечников, но подъехавшие вслед за этим крепкие парни в кожаных куртках отбили охоту вместе с почками и тем, на чем они замыкались. Надо сказать, что сам он держался молодцом, даже смог хорошенько врезать двоим, но друзья струхнули, разбежались, и некому было поддержать его, когда он остался один против дюжины озверевших бандитов. Месяц он пролежал в больнице после этого, еще два года работал на аптеку. Желание создать свой мафиозный клан поутихло, чтобы со временем разгореться вновь...

– Стоять, лицом к стене!

Пожилой конвоир, худой как скелет и с желтушным лицом, озлобленно толкнул Станислава в спину – как будто этим пытался выместить обиду за свою бестолково и неудачно прожитую жизнь.

Его спутника, тощего и чахлого парнишку, конвоир не тронул. Может, потому что видел в нем себя в молодости – такого же хлипкого и трусливого неудачника. А паренька пугало в тюрьме все, даже скрежет открываемых решеток. Всякий раз, когда в замочную скважину со стуком входил ключ, он вжимал голову в плечи. Единственно, чего он не боялся, – это выказывать свой страх. Его и сейчас трясло, как в лихорадке, губы белые как мел, на лбу холодная испарина, даже очки запотели. Глаза у него, как у зайца, убегающего от волка. Еще уши осталось поджать и хвост. Станислав с неприязнью глянул на него. Сам он тоже никогда прежде не был в тюрьме и мало что знал о здешних порядках. И ему страшно, но он хотя бы виду не подает.

Коридорный надзиратель с диатезным румянцем на пышных щеках открыл дверь в камеру, откуда пахло вонью и гнилью.

– Добро пожаловать в ад! – злорадно усмехнулся он.

Фраза избитая и затертая до тошноты банальности, но сейчас она как нельзя лучше соответствовала той действительности, в которую Станиславу предстояло окунуться.

– Пошел!

И надзиратель толкнул его в спину. Он ждал этого, вовремя напрягся и подался назад, поэтому коридорный уперся в него, как в скальную глыбу, и даже отбил руку. Зато он с лихвой отыгрался на чахлом пареньке, с такой силой втолкнул его в камеру, что Станислав едва удержался на ногах, когда тот врезался в него.

Он был на взводе, но старался казаться невозмутимо спокойным. Поэтому оттолкнул паренька небрежным движением плеча, стараясь не давать волю своему раздражению.

– Извините... – пискнул тот, в ужасе озираясь по сторонам.

Обстановка, в которой он оказался, ужасала не только его. Как ни готовил себя Станислав к тюремным кошмарам, его чуть не стошнило, когда он понял, в какой клоаке ему придется существовать в ожидании суда. Сравнительно небольшая по своим размерам камера была забита до отказа. Железные шконки в три яруса, застеленные темным от грязи бельем, люди, гроздьями свисающие с них. Режущая вонь от парашаи вперемешку с запахом горелой ваты. Табачный дым до потолка, но на фоне других гораздо более жутких запахов он почти не осязался. Духота и влажность несусветные – люди раздеты до трусов. Кто-то лежит, кто-то сидит, кто-то стоит в проходе между шконками вплоть до самой двери. Станислав еще не успел зайти, а уже оказался в гуще потных и смрадных тел. Мокрое белье на веревках над головой, вода капает на лысину – ощущение такое, будто кровь по ней размазывается.

Однажды, еще в годы армейской молодости, Казимира угораздило оказаться на гауптвахте. Небольшая камера три на четыре, жара, пять штрафников вместе с ним, сидеть приходилось на железных столбиках, на которые перед отбоем укладывались дощатые лежаки, чтобы спать. Он исчесался тогда весь, чуть до экземы дело не дошло. Но то были цветочки. За дерзкое слово, сказанное начкару, его поместили в карцер, в крохотную душегубку без окон и дверей. Тогда он думал, что это и есть филиал ада на земле. Но этот карцер сейчас казался раем по сравнению с тем ужасом, в котором он оказался сейчас. Чтобы пройти камеру от двери до окна, нужно было сделать всего-то шесть, максимум семь шагов, но это казалось невозможным. В узком пространстве, отделяющем его от стола, как минимум полудюжина измочаленных тел. Люди ни о чем не говорят меж собой, просто стоят. Глаза пустые, как у зомби. До новичков им нет никакого дела.

За столом в основном проходе также сидят люди, плотной и липкой массой, в какой-то момент у Станислава возникло такое ощущение, будто на все головы приходится одно-единственное тело. На столе продукты на газетах, нарды, шахматы, книги – все вперемежку, полный хаос. Люди говорят негромко, но звуки накладываются друг на друга и на выходе – густой, оглушающий и оттого нервирующий гул, да иначе и быть не могло: камера напоминала улей, где роились пчелы, только здесь, производился не пахучий мед, а вонючее дерьмо.

От одной только мысли, что ему придется существовать в этой клоаке, Станиславу стало тошно.

Он слышал, что новичкам в камере следует поздороваться со всеми ее обитателями, но прежде всего с блатной частью арестантского населения. Но здороваться, казалось, было не с кем. На новичков почти не обращали внимания. Не до них. Люди мариновались здесь как огурцы в кадке, все мысли о том, как дожить до суда или хотя бы до прогулки, когда можно будет хоть чуток глотнуть свежего воздуха. И обращаться к ним было все равно что разговаривать с холодной космической пустотой. А блатной люд был далеко, аж в пяти-шести шагах, на двухъярусных нарах под наглухо зарешеченным окном. Там наблюдались хоть какие-то признаки цивилизации. Телевизор под потолком, холодильник в углу, вентилятор, который, казалось, гонял по камере не воздух, а вакуум. На нижней койке, чуть ли не впритык друг к другу, в неподвижных позах сидели трое, голые по пояс, в чернильных росписях.

Один – с крупным телом, но маленькой и словно приплюснутой с боков головой. Узкий лоб, бесцветные глазки – один выше другого, нос знаком вопроса, губы такие тонкие и так плотно сжаты, что казалось, это всего лишь прорезь для рта. На плечах и груди какие-то волки, орлы, коты. В центре находился мужчина лет сорока. Блестящая лысина, морщинистый лоб, глаза – два теплящихся фитилька в одной лампе, колесико от которой находилось где-то в голове. Подкрути это колесико, и вспыхнут глаза резким ультрафиолетовым светом. У этого на груди выколот собор о трех куполах – все три с крестами, но два зачем-то затемнены. Еще полуголая женщина с факелом на фоне тюремной стены и зарешеченного окна, со змеем и черепом в ногах. Рядом с ним – человек помоложе и покрепче. Парень лет двадцати пяти, славянской внешности, мощный, крепко накачанный, и у этого на плечах наколки, но из тех,

что делают в профессиональных тату-салонах – какая-то абракадабра в китайском орнаменте. На тугих и хорошо выпирающих грудных мышцах два более свежих рисунка, плохого качества, но хорошо выражающих скрытую внутри него агрессию – две тигриные головы, обращенные друг к другу. В отличие от их обладателя, глаза у хищников горят хоть и злобным, но живым огнем.

Все трое, казалось, пребывают в соматическом трансе, как будто какой-то гипнотизер погрузил их в это состояние. А может, обкурились или даже обкололись... Станислав никогда не употреблял наркотики и даже выпивал редко. Но сейчас ему вдруг захотелось принять в кровь что-нибудь этакое, отчего жуть окружающей его реальности трансформировалась бы в розовую муть галлюциногенного блаженства...

У Станислава не было никакого желания говорить и тем более отчитываться перед блатной, а оттого элитной частью камерного сообщества. Но при этом он понимал, что без их участия он не сможет получить законное право хотя бы на часть какого-нибудь койко-места. Без «высочайшего» одобрения ему даже не позволят присесть на краешек нар и за стол не пустят. Знающие люди в КПЗ просветили на этот счет. Поэтому он терпеливо ждал, когда на него обратят внимание.

Ждать пришлось недолго. Какой-то паренек, словно обезьяна с лианы, откуда-то с третьего яруса спустился к блатному амбалу, что-то шепнул ему на ухо. Тот очнулся, взгляд его прояснился, как лесная поляна на утреннем солнце, но предрассветный туман в глазах так и остался. Похоже, он плохо соображал, что происходит. Вслед за ним пришли в чувство и остальные тюремные «короли».

– Кто там к нам заехал? – без надрыва, но громовым голосом спросил амбал.

И камера мгновенно пришла в движение. Арестанты разошлись по своим местам, освободив пространство до самого угла, где находились блатные. Но не все уместились на шконки, человек десять, в основном молодежь, плотной живой окантовкой встали по обе стороны от койки, на которой восседала блатная троица. Уголовные рожи, наглые ухмылки, угрожающий блеск в глазах. Как выяснилось чуть позже, мужчина с лысиной и морщинистым лбом был смотрящим, амбал – его силовой поддержкой, но и помимо него было кому взять в оборот любого, кто посмел бы пойти против воровской воли. Скажи смотрящий только слово, и молодежь без раздумий набросился бы на новичков и в два счета разделал бы под орех. Станиславу стало не по себе, но все же он сумел сохранить выражение уверенности в себе, когда подошел к блатным. Зато у его спутника зуб на зуб не попадал от страха. Разумеется, смотрящий заметил, что его трясет, как в лихорадке. К нему первому и обратился:

– Первоход?

Он картавил, и его «р» звучало как украинское «гэ». Но никто и не думал смеяться над этим дефектом.

– То есть? – дрожащим голосом спросил паренек и лихорадочно поправил сползшие на кончик носа очки.

– Первый раз к нам заехал? – глумливо усмехнулся амбал.

– Заехал?! Я не заехал, я зашел...

Хохот, улюлюканье – так уголовный молодежь отреагировал на дремучесть новичка. Даже Станислав презрительно усмехнулся. Он-то уже знал, что в камеру не заходят, а заезжают, и сидят здесь «пассажиры». Но в принципе он еще очень мало знал, поэтому не стоило расслабляться.

– А зачем зашел? Кто тебя звал? – спросил развеселившийся амбал. – Не видишь, тесно у нас... Иди постучись в дверь, скажи вертуху, что мест свободных больше нет, пусть обратно домой отправляет...

– Он не отпустит. – Очкарик улыбнулся робко и жалко, но в голосе звучала уверенность.

– Не отпустит, – подтвердил амбал. – Правильно говоришь. Зовут тебя как?

– Вячеслав Семенович... Э-э, можно просто Славик...

Приблатненная молодежь снова схватилась за животики. Посмеялись и блатные.

– А кем ты на воле был, Вячеслав Семенович? – сквозь смех спросил смотрящий.

– Музыкант я, на аккордеоне играл.

– А на флейте сможешь? – спросил лопухий паренек с хитрыми и подлыми глазками.

– Нет, я на духовых не играю, – не уловив подвоха, лихорадочно мотнул головой Славик. –

У меня грудь слабая...

Станислав заметил, как с плеча высокого и худого паренька с раскосыми, как у татарина, глазами вроде само по себе соскользнуло полотенце и упало под ноги очкарику. И тот его заметил. Сейчас он возьмет его в руки, чтобы вернуть владельцу. Станислав понял, что именно для этого татарчонок его и уронил. Но Славик не стал поднимать с пола свой приговор. Его затрясло еще больше, drobный стук зубов усилился, но он сделал то, что и должен был сделать. Наступил на полотенце и потоптал его своими негнуцимыми от страха ногами – сделал вид, что вытер их. И даже поблагодарил татарина.

– Спасибо!

– Ну ты в натуре! – раздосадованно сморщился он и пнул полотенце ногой. – Сейчас на грелке играть будешь! – Пригрозил он и показал на ржавую чугунную батарею парового отопления под самым окном.

– Вместо гармошки! – пояснил он.

– Сыграю, – кивнул Славик.

И снова проявил характер. Не побоялся выдвинуть условие:

– Если ты ее настроишь, я сыграю...

Снова смех, но на этот раз он был обращен к татарину. На Славика же смотрели как на клоуна, своими ужимками снискавшего не славу, но отпущение грехов.

– Правильно Вячеслав Семенович говорит, пусть Равшан настроит грелку, а он сыграет... – смахнув с глаз смешливую слезу, сказал смотрящий.

И его слово оказалось решающим. Славика показали на шконку, которую он должен был делить с двумя такими же доходягами-бедолагами, как и он сам. Но называли его при этом Вячеславом Семеновичем, и это значило, так обязаны называть его все обитатели камеры. Путь в его имя-отчество вкладывался уменьшительно-насмешливый смысл, но факт оставался фактом – трусливый и чахлый Славик сумел завоевать хоть какое-то, но признание со стороны тюремного сообщества. Станислав был уверен, что его примут не хуже. Не самые злые волки правят здесь бал, а значит, с ними можно договариваться.

– Ты кто такой? – в упор глядя на него, спросил смотрящий.

«Началось».

Станислав ответил не сразу. Для начала с важным видом и чувством собственного достоинства обдумал вопрос.

– Станислав я. Фамилия Казимиров.

Он сказал это таким тоном, как будто ждал, что вся камера вздрогнет от его имени. Но ничего не произошло. Никто даже ухом не повел.

– Лет сколько? – внимательно всматриваясь в него, спросил амбал.

– Много.

– А конкретно?

– Сорок шесть.

– И что?

– Ничего, – немного смутился Станислав. – Сам же спросил...

– А ты что, думаешь, если сорок шесть, значит, самый крутой? – прибавил пару амбал.

Взгляд его принял угрожающий окрас. И тигры на его груди, казалось, вздыбились.

– Я не крутой, – стараясь сохранять самообладание, пожал плечами Казимиров.

– Совсем не крутой? Совсем всмятку?

– Нет, не всмятку... – еще больше смутился он.

– А чего тогда понты колотишь?

– Какие понты?

– Да такие... Воротила! – крикнул амбал.

– Что? – донеслось откуда с третьего яруса.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– Видал? – обращаясь к Станиславу, жестко усмехнулся блатной здоровяк. – Ему двадцать три, а мы его полудурком здесь зовем. А двадцать три на два умножить, сколько будет, а?

Он ответил. Но мысленно. Самому себе. Двадцать три, помноженное на два, равно сорока шести – то есть его возраст. И если какой-то там Воротила полудурок, значит, Станислав – полный придурок. Иначе как оскорблением этот скрытый вывод не назовешь. Но что делать? Станислав остро осознавал свою беспомощность. С амбалом он еще может сладить – в молодости мастером спорта по борьбе был, сейчас усилено штангой занимается, чтобы в форме себя держать. Но спина-то у него не бронированная, а сзади во время атаки его запросто могут пырнуть ножом. Тот же приблатненный Равшан это сделает, чтобы отыграться за досадный промах со Славиком.

– Так кто ты после этого? – спросил амбал.

Станислав понял, что ничего не сможет с ним поделать. Но все же ярость пересилила страх, и он угрожающе дернулся в его сторону. И так это у него эффектно вышло, что амбал невольно вздрогнул. Оттого еще больше разозлился.

– Можешь не отвечать, если не хочешь, – настороженно и с вопросом глянув на Станислава, сказал смотрящий. – Твое право... А нервничать не надо. Нервы беречь надо. Здесь не санаторий, нервы не подлечишь... Ты нам скажи, мужик, как ты к братве относишься?

Уже одно то, что Станислава обезличенно назвали мужиком, определяло его статус. Не быть ему блатным, не примет его братва в свой круг. И если он может к ней относиться, то лишь материально – дать денег на общак камеры, о существовании которого узнал еще на «сборке», где провел целые сутки.

– Я не жлоб, и если надо...

Немного поколебавшись, Станислав вытащил из тайника в джинсах свернутую в трубочку тысячерублевую купюру. Протянул ее смотрящему, но тот почему-то не спешил ее брать.

– Гляди-ка, а ты мастак! Пронес лавэ! – Зато похвалил, но непонятно как – то ли всерьез, то ли с подвохом.

– Да умные люди подсказали, как сделать, – стараясь не размазать по лицу оставшийся на нем налет уверенности в себе, сказал Станислав.

– Хорошо, деньги нам нужны, – вроде бы с благодушным видом кивнул смотрящий, но протянутая ему купюра так и осталась висеть в воздухе.

– Так возьми!

– Да ты не торопись, это мы всегда успеем. Ты мне скажи, мужик, лекарства у тебя есть?

– Были, – кивнул Станислав. – На таможне все отобрали.

Перед тем как отправить его этапом в следственный изолятор, следователь разрешил ему свидание с родными. Сыновья были, Витта, два ее сына и дочка, принесли ему сумку, битком набитую продуктами и нужными в тюрьме вещами. Но при обыске в изоляторе почти все забрали. Батон колбасы и брусок сала покромсали тесаком, из хлеба и пирожков сделали крошево, сигареты поломали... Лекарства отобрали целиком.

– А что за лекарства у тебя были? – нехорошо сощурился смотрящий. – Ты что, больной?

– Нет, нормально все со здоровьем, – забеспокоился Станислав. – И лекарства обычные, так от простуды, ну, на всякий случай...

- От простуды?! От простуды – хорошо... Эфедрин от простуды хорошо помогает.
- Не знаю...

Зато он хорошо знал, что эфедрин – наркотик, и наконец-то понял, зачем смотрящий интересуется лекарствами. Наверняка, подзарядиться хочет.

- Зато я знаю. Про «Колдрекс» от простуды слышал?
- Ну, слышал.

– Так вот, там эфедрин есть, какая-то синтетическая форма... Еще аспирин есть. Аспирин «УПСА». Пробовал «УПСА»?

- Да, пробовал, – не разглядев подвоха, кивнул Станислав.

О том, какую промашку он допустил, стало понятно по вытянувшимся лицам арестантов. Равшан, тот схватился за живот в ожидании всеобщего хохота.

– Братва, он у пса пробовал! – с торжествующим видом во всеуслышанье объявил смотрящий.

На какой-то миг вокруг Станислава установилось оглушительное в своей тишине молчание. Дальше должен был последовать такой же оглушающий смех. Но Равшан так и не дождался, когда его дружки покатаются со смеху. Смотрящий и сидевший рядом с ним амбал всем своим видом требовали от них иной реакции. И они угрожающе загудели, испепеляя жертву презрительными взглядами. Уже не скрывая своего испуга, Станислав подался назад – в ожидании, что эта злобная масса, подобно грязевому селю, погребет его под собой. Но смотрящий не стал давить на него физически, предпочел добить морально.

– Как же так, такой здоровый мужик, и у пса пробуешь. У бабы пробовать надо. У бабы пробовал?

Наученный горьким опытом, Станислав промолчал. Но амбал ответил за него.

- И у бабы пробовал. А в бабе мужик был...

Он готов был и дальше продолжать в том же духе, но смотрящий его осадил.

- Баба у тебя есть? – спросил он.

Глянув на него, Станислав понял, что молчать не стоит, только хуже себе сделает.

- Есть.
- Жена?
- Была жена.
- Была. А куда сплыла?
- В морг.

И еще он понял, чем и как можно проложить выход из сложившейся ситуации. Уголовников нужно было напугать, тогда они отстанут.

- В морг?
- Да! В морг! – озлобленно, если не сказать, озверело повторил он. – Я ее туда отправил!
- За что?

– За третье предупреждение... Первое предупреждение – ничего, второе – тоже ничего, третье – убил!.. Политика у меня такая!

Станислав внимательно наблюдал за блатными и видел, что его угрожающие слова никого из них не напугали.

- И много ты людей-то порешил? – с плохо скрытой насмешкой спросил смотрящий.
- Много! – в бессильной ярости взвыл Станислав.
- А у пса сколько раз? – измывательно ухмыльнулся амбал.

Чем переполнил отнюдь не бездонную чашу терпения. Уже не контролируя себя, Станислав набросился на него и со всей силы обеими руками обхватил его голову, рванул на себя. Амбал попытался оказать сопротивление, но сил у него для этого не хватило. А Казимиров уже был близок к тому, чтобы свернуть ему шею.

Остановить его могли только прибалтненные арестанты, которые должны были вступить за своего лидера. Но вопреки ожиданиям, никто не попытался ударить Станислава ножом. Один только смотрящий накинулся на него со спины, но этим лишь отстрочил смерть своего подпевалы. Хватило одного точного и сильного удара локтем, чтобы он слетел с него, как шелудивая шавка со спины могучего слона.

– Кто у пса брал? – изнывая от ненависти, спросил Казимиров у амбала.

– Сдохнешь! – прохрипел тот.

– Сейчас посмотрим, кто сдохнет!

Он бы и в самом деле свернул шею своему врагу, если бы в камеру вдруг не ворвался тюремный спецназ, вызванный бдительным коридорным.

Несколько плотных ударов по спине резиновыми дубинками, и руки разжались сами по себе. Не разбираясь, кто прав, а кто виноват, спецназовцы швырнули Станислава на пол, заломили руки за спину, сковали их наручниками, вытащили его в коридор и еще раз, чтобы успокоить наверняка, обработали дубинками.

Дальше был стакан-отстойник, крохотная камера, в котором можно было только стоять, совершенно без окон и воздуховодов. Казимиров провел там не меньше получаса, прежде чем появился офицер с погонами капитана. Наглаженный, напаренный, начищенный, ни единой погрешности в одежде. Моложавый, симпатичный, подтянутый, энергичный. Роста чуть выше среднего, плечи широкие, но без особого размаха. В нем угадывалась плотно заряженная внутренняя мощь, а крепкие руки наводили на мысль о недюжинной физической силе. Станислав уже успокоился, а потому с опаской и настороженно посматривал на капитана – ударит или нет?.. Но чем больше он смотрел на него, тем больше понимал, что ударить он не сможет. Не потому что боится, а потому что был из той породы людей, которые не бьют лежачих. А прибыл он по его душу по тому случаю, что был дежурным помощником начальника изолятора, о чем красноречиво свидетельствовал нагрудный значок с соответствующей надписью.

– Бузим, значит? – спросил он, с одной стороны, миролюбиво, с другой – хлестко.

Станислав промолчал. Он так и оставался стоять в «стакане», а офицер находился за открытой настежь дверью – так и разговаривали.

– Фамилия, имя отчество, статья – представиться по всей форме! – беззлобно и без кичливого апломба, но жестко потребовал он.

– Казимиров, Станислав Севастьянович, статья сто пятая...

– Убийство?! – оборвал его капитан. – Казимиров, говорите, фамилия... Это вы жену свою застрелили?

– Я.

У него хватило ума не заводить разговор о третьем предупреждении. Уголовников он этим не напугал, и офицер его на смех поднять может.

– Был у нас разговор о вас, – как бы невзначай сказал он. – Выходит, не зря... Здесь вы кого убить хотели?

– Хотел, – кивнул стоявший рядом надзиратель. – Ломагу чуть не удавил...

– Ломагу?! – офицер без осуждения и с интересом осмотрел мощную фигуру Станислава. – Чем он вам не угодил?

– Я ему не мальчик, пусть дурака из меня не делает...

– Да, в дураках быть плохо, особенно в тюрьме... А Ломага еще тот фрукт. Даже не знаю, что делать, – насмешливо повел бровью дежурный помощник. – Или наказывать, или поощрять. Наверное, и то и другое...

Он отправил проштрафившегося арестанта в карцер. Это была небольшая, мрачная и сырая камера, аура смертной тоски и запах гнили – у Станислава возникло ощущение, будто он попал в могильный склеп, погребен заживо. Сидеть здесь можно было на бетонном постаменте, куда на ночь опускалось прикованное к стене дощатое ложе. С одной стороны – наказание. Но,

с другой стороны, здесь не было соседей и, что главное, блатных «корольков». Некому было донимать Станислава, не с кем было делить свое место. С другой стороны – поощрение. Как хочешь, так и понимай...

Глава 3

Андрей отправлялся на обед к себе домой, он совсем не планировал ехать на перекресток с Московским шоссе. Прежде всего далеко. Зато там Римма, и он мог хотя бы издали увидеть ее. Поэтому он и заехал в «Беллиссимо».

Он хотел побывать здесь еще вчера и позавчера, но не смог – заступил в дежурную смену. Зато сегодня у него свободный день – в том смысле, что вечером он ничем не занят. И если бы договориться с Риммой о встрече...

Заведение пользовалось спросом, посетителей хватало – официантки без дела не сидели. К Андрею подошла Вероника, поздоровалась с ним так, как будто видела впервые, с дежурной улыбкой спросила заказ. Он показал на мясную лазанью и стакан томатного сока.

Пока ждал заказ, высматривал Римму, но ее нигде не было. Пришлось снова, как в прошлый раз, потревожить Веронику.

– А могу я увидеть старшего официанта? – спросил он.

– Я что-то не так сделала? – обеспокоилась девушка.

– Нет, но все же...

– Хорошо, сейчас...

Вернулась она минут через пять, с подносом, поставила на стол блюдо с лазаньей и тарелочку с сыром.

– А старший официант где?

– Подождите немного...

Она подошла к Андрею, когда он закончил трапезу. Сначала рассчитала его и только затем поманила за собой. Завела его в подсобное помещение за дверью возле стойки бара, по узкому коридору вывела на улицу, в заставленный пустой тарой дворик. И сразу же исчезла, едва только зазвучал трубный и грубый мужской голос.

– Кому тут старший официант нужен?

На Андрея надвигался знакомый парень – скуластый, с ежиком светлых волос. Он был не один, его спутник был очень похож на него, как будто был родным братом. Такой же склад лица и фигуры, только возрастом помоложе.

Андрей осмотрелся по сторонам. Место, в общем-то, безлюдное, и, если эти двое вознамерятся дать волю своим кулакам, помешать им будет некому. А судя по всему, настроены они были весьма агрессивно.

– Мне нужен.

Вера в свои силы позволила ему сохранить внешнее и внутреннее спокойствие.

– Я за старшего официанта!

Парень вплотную подошел к нему, дыхнул на него тяжелым запахом сала и чеснока. Похоже, он не был поклонником итальянской кухни.

– Мне Римма нужна, а не ты, – покачал головой Андрей.

– Да я-то уже понял, кто тебе нужен... Я же тебя предупреждал. А ты слов не понимаешь... И что мне с тобой сделать, а?

– Скажи, где Римма.

– Нет, ну ты посмотри на него! – Не переставляя ног, парень обернулся к своему спутнику – якобы для того, чтобы показать на смешного и глупого человека.

Но это была часть маневра, который Андрей легко предугадал. И так же легко перехватил летящую в него руку. Прием из арсенала боевого самбо, и первый противник носом вспахал землю. Добивать его Андрей не стал, поскольку всерьез воспринимал угрозу нападения со стороны второго. Поэтому вовремя поймал летящую в него ногу – блок, подсечка, добивающий удар в солнечное сплетение. Все как по нотам.

– Не, ну ты попал! – поднимаясь с земли, но не рискуя атаковать вновь, угрожающе сквозь зубы процедил задира.

– Римма где?

– Ты идиот, да? Пулю ты в башку получишь, а не Римму!

– Как страшно! – презрительно усмехнулся Андрей.

На этой ноте с видом победителя он и покинул негостеприимное заведение.

* * *

Напрасно он ездил в «Беллиссимо». Во-первых, не нашел ту, которую искал. Во-вторых, опоздал. В-третьих, в глупой драке пострадал погон на рубашке – наполовину оторвался и сейчас жалко висел на одной нитке.

Он спешил, поэтому, подъезжая к воротам изолятора, мимолетно глянул на площадку перед входными дверями контрольно-пропускного пункта. Взгляд скользнул по яркой темно-волосой девушке, но тут же уперся в зеленую шероховатость тяжелых раздвижных ворот. С надрывным скрежетом дернулась основная створка, чтобы отойти в сторону, и только тогда подсознание сформировало зрительный импульс в понятную картинку. Яркая девушка у пропускного пункта и старшая официантка Римма – одно и то же лицо.

Андрей хлопнул себя по лбу, махнул рукой дежурному прапорщику, чтобы он вернул ворота на место, подъехал туда, где среди прочих людей находилась Римма. Вышел из машины. Волнуясь, подошел к ней.

Все та же короткая до пупка футболка, джинсы низко на бедрах, но прежде распущенные по плечам волосы собраны в конский хвост на затылке. На подходящего к ней Андрея она смотрела с недоумением. И напряжение во взгляде угадывалось – похоже, она пыталась вспомнить, где могла видеть его прежде, но тщетно.

– Здравствуйте, – с искренним ликованием в душе, но скованно улыбнулся он. – Я вас на днях видел, в «Беллиссимо». Мы с моим начальником заезжали к вам. Вас Римма зовут...

– Да, да, что-то припоминаю... Да, вы тот военный...

Сначала взгляд ее прояснился, затем подернулся пеленой не очень приятных воспоминаний. Возможно, у нее был разговор с ревнивцем, кто знает, может, он наговорил ей таких гадостей, что ее до сих пор от них мутит.

– Я хотел найти вас. Но кое-кто был против.

– Да, Гера... Он говорил мне, что вы... Хотя это неважно...

– Что неважно?

– Я что, правда, вам нравлюсь? – на фоне глубоких раздумий с поверхностным кокетством спросила она.

– Да. А разве это удивительно?

– Ну нет, в общем... А что это у вас такое?

Она протянула к нему руку, словно собираясь положить ее на плечо. Андрей невольно замер в ожидании приятного прикосновения, но Римма всего лишь вернула его свисающий погон на место.

– Черт, совсем забыл... Ваш Гера постарался.

– Гера?! Когда?

– Да только что. Я в «Беллиссимо» ездил обедать. Про вас спрашивал. А он меня за это хотел спросить. Ну и...

– Он вас бил?

– Скорее, наоборот... А вы что здесь делаете?

– А вы? – вопросом на вопрос ответила она.

– Я здесь работаю. Служу то есть.

- Служите? Здесь, в тюрьме? – скорее обрадовалась, чем огорчилась Римма.
  - В следственном изоляторе, – поправил ее Андрей.
  - А что, есть разница?
  - Тюрьма – для осужденных, а у нас осужденных сразу на этап отправляют...
  - А осуждают всех?
  - Кого всех?
  - Ну, кто сидит...
  - Нет, конечно. Кого-то оправдывают... А у вас кто здесь?
- Андрею уже не надо было объяснять, какая нужда привела Римму к тюремным стенам.

Он и сам все понял.

- Дядя... Дядя мой родной...

Она с надеждой посмотрела на него – как будто он мог прямо сейчас взять да выпустить ее родственника.

– Печально... Печальное место... И наверняка печальная история, – натянуто и совсем не весело улыбнулся он.

Понятное дело, помочь освободить ее дядю он не мог. Но в то же время мог оказать кое-какую помощь – перевести на щадящий режим содержания, организовать свидание, передать посылку... Римма так увлекла его, что ради нее он готов был на многое.

- Печальная... – кивнула она, соглашаясь, – Но скорее, глупая...
- Отойдем в сторонку.

Он взял ее под руку, чтобы отвести подальше от любопытных глаз и ушей. Ему приятно было ощутить бархатисто-нежную и теплую гладь ее кожи, почувствовать хмельной запах ее волос, сдобренный легким ароматом хороших духов.

- Фамилия, имя и отчество? – спросил он.
- Казимиров Станислав Севастьянович, – ошарашила его Римма.
- М-да, – многозначительно протянул он.
- Вы его знаете?
- В какой-то степени... Ваш дядя самых честных правил, когда не в шутку...
- Занемог?
- Нет, со здоровьем у него все в порядке. Но уважать он себя заставил...
- Кого?

– Меня... С матерыми уголовниками сцепился. Другой бы на его месте испугался, а он в драку полез... Это, конечно, плохо, но лучше так, чем смириться. Так бы зашпыняли вашего дядю...

– Зашпынять? Моего дядю?! – с гордостью за своего родственника возмутилась Римма. – Он сам кого хочешь зашпыняет!..

– Верю, верю. – У Андрея не было никакого желания спорить с ней, равно как и соглашаться.

- Где он сейчас?
- В карцере.

Андрей самолично водворил Казиминова в карцер, он же и рапорт начальнику СИЗО подал, чтобы тот назначил ему десять суток штрафного заключения. Сегодня уже вторые сутки пошли...

- Карцер – это что-то нехорошее.
- Ну, скажем так, приятного мало.
- А посылку ему передадут?
- Нет, посылку отправят на склад и передадут ему по истечении срока заключения. Через десять суток, вернее, уже через девять... Так что посылку лучше попридержите.
- Но я уже отдала...

– Надеюсь, скоропортящиеся продукты вы ему не передавали.

– Нет... То есть не знаю... – замялась она. – Я с женщиной договорилась, ну, которая на приемке, она все взяла...

Андрей знал женщину, о которой шла речь. Договориться с ней было нетрудно, но только за деньги. Чем больше заплатишь, тем больше вероятности, что посылка дойдет до адресата в целости и сохранности. Если же приемщице нечем будет поделиться с контролерами на досмотре, то те посылку существенно облегчат...

– Что вы ему передали, пиццу с итальянскими колбасками? – чтобы сгладить возникшее напряжение, в мажорном духе спросил Андрей.

– Итальянские колбаски, да, – с самым серьезным видом кивнула Римма. – Сыр тоже передала... Он любит итальянскую кухню...

– Он – итальянец?

– Нет. Но у него кафе с итальянской кухней... Ну вы должны знать, вы же были у нас.

– В «Беллиссимо»?

– Да. Кафе, гостиница, автосервис – этим всем дядя владеет...

– Не знал.

Андрей ознакомился с личным делом заключенного Казиминова, но не нашел там места работы, просто частный предприниматель. Прежде не судим, не привлекался, приводов не имел. Женат, трое детей, все сыновья... Андрей напряг память. Кажется, одного звали Германом...

– Скажите, а Герман – его сын? – спросил он.

– Да. Средний сын. Есть еще Герберт, он самый старший...

– Так я не понял, а кто из них Гера?

– Тот, кто вам погон оторвал, – без капли ехидства во взгляде усмехнулась она. – Герберт на такое не способен. Он хоть и старший, но совсем безобидный. Мухи не обидит. Да и слабенький он, от рождения... Это у Германа и Себастьяна здоровья хоть отбавляй... А то, что Герман вас невзлюбил, так он сейчас такой со всеми. Вы его должны понять, у него мать погибла...

– От руки отца.

– Это в порыве гнева... Но Герман не понимает. Поэтому и ходит злой как черт, на всех бросается... Ничего, рано или поздно успокоится...

– Лучше рано... Насколько я знаю, ваш дядя – русский.

– Русский, – подтвердила Римма.

– А у детей какие-то немецкие имена.

– Он по паспорту русский. А в душе... Корни у него немецкие. Его отца Себастьяном назвали, а в паспорт Севастьян вписали...

– Корни немецкие, а кухня итальянская.

– Сначала ему все немецкое нравилось, потом итальянское. Но у него и сейчас немецкий порядок во всем...

– У вас тоже немецкие корни?

– И немецкие. Но больше – итальянские. Моя мама – итальянка по отцу. Мать у нее русская, а отец итальянец...

– Мне кажется, я видел вашу маму.

– Возможно. Она гостиницей заведует. Вы ее за стойкой администратора могли видеть...

– Вы на нее похожи.

– Все так говорят...

Римма взяла паузу. По напряженному взгляду можно было догадаться, что она собирается о чем-то просить Андрея. Собирается, но не решается начать.

Наконец решилась.

- А вы не могли бы помочь моему дяде? – не без смущения спросила она.
  - Если вам это интересно, меня Андрей зовут.
  - Да, интересно, – спохватившись, кивнула она. – Извините, что сразу не спросила... Вы-то знаете, как меня зовут, вот я и подумала...
  - В чем я могу вам помочь?
  - Вы говорите, что мой дядя в карцере. Это же плохо, да?
  - Ничего хорошего.
  - Его же можно оттуда вытащить?
  - Нет ничего невозможного...
  - Вы можете это сделать?
  - Все, что в моих силах... Прямо сейчас и займусь этим... А где мы с вами встретимся?
  - Встретимся?
  - Ну да, я же должен рассказать вам, как продвигается дело...
  - Ах, ну да... Да, конечно, нам нужно встретиться. Можно сегодня, конечно же, не здесь... Правда, я сегодня работаю...
  - Где?
  - В «Беллиссимо», конечно... Но в общем-то я могу и подмениться... Наверное, так и сделаю. Да, давайте встретимся. Только не в «Беллиссимо»...
  - Да я и сам бы там не хотел, – усмехнулся Андрей. – Ваш брат обещал меня застрелить...
  - Мой брат? – встрепелась Римма. – Герман?!.. Кто вам сказал, что он мой брат?
  - Сам догадался. Если Станислав Казимиров – ваш дядя, значит, его сыновья – ваши двоюродные братья.
  - Двоюродные?!.. Да, двоюродные... Да, братья... Вы извините меня, я волнуюсь. За дядю переживаю. Говорю одно, думаю о другом...
  - Я это заметил.
  - Мне надо расслабиться. В «Ночном Раю» отдохнуть можно. Вы как, не против?
  - Только «за».
  - Тогда до встречи... Погон у вас с плеча спал...
- Римма снова поправила сползший погон, но на этот раз мягко и даже, как показалось ему, ласково провела пальчиками немного вниз по руке. Сказать, что Андрею было приятно, значило ничего не сказать. Он испытал самое настоящее блаженство – но почему-то не возбуждающее, а какое-то пьяняще-убаюкивающее. Остро захотелось оказаться с Риммой где-нибудь в укромном и уютном местечке, где бы она снова прикоснулась к нему и гладила бы, гладила, и каждая клеточка его тела трепетала бы от наслаждения...
- Она помахала ему ручкой, повернулась к нему спиной и направилась к дороге, у обочины которой стояли машины. В одну из них она и села – на переднее пассажирское сиденье. Это был «Форд», кажется, «Фокус»... Но Андрея волновала не сама машина, а человек, который находился за рулем. Это был мужчина...

* * *

Не успел Андрей зайти в кабинет, как его вызвал к себе начальник.

– Почему опаздываешь? – строго спросил он.

И тут же скупое, но понимающе улыбнулся.

– Видел я тебя с твоей красавицей.

– Она, конечно, красавица, но я вас не заметил...

– Вот именно, я перед воротами минуты три стоял, а ты и не заметил. Что, так увлекся?

– Похоже на то.

– Она к тебе приходила?

- Если бы... Дядя у нее здесь сидит.
- Кто такой?
- Казимиров его фамилия.
- Этот, которого ты в карцер посадил?
- Теперь обратно бы вытащить.
- Она просила? – нахмурился Каракулев.
- Она даже и не знала, что он в карцере. Посылку ему передала...
- Через кого?
- В установленном порядке...
- Я думал, через тебя...
- А если бы и через меня? – Андрей пристально посмотрел на своего начальника. – Я же не из корысти...
- А из наилучших побуждений... Влюбился?
- Это мое личное дело.
- Твое личное дело в отделе кадров... Ладно, не горячись. Любовь дело серьезное...
- Рано еще о любви говорить.
- А ты и не говори... Ты слушай. Меня слушай... Посылку ты, конечно, можешь передать, можешь даже на шадящий режим этого Казиминова перевести, я поспособствую: все мы люди, все мы человеки... Но будь осторожен, парень, как бы эта девица тебя под монастырь не подвела... Ты должен знать, за что Казимиров под следствием.
- Знаю, за убийство жены.
- Вот именно. И он этого не отрицает. А что это значит?
- Если в перспективе, то лет десять-пятнадцать строгого режима...
- Совершенно верно. Когда человек лишен законной возможности обрести свободу, он ищет незаконную. Законной возможности у Казиминова нет, как бы он не начал искать незаконную. И как бы ты ему в этом не помог...
- Исключено, – мотнул головой Андрей. – Я на такое никогда не пойду.
- Ты сейчас в этом уверен. Как и я сейчас уверен в тебе. Но любовь такая штука – так может завертеть, что мозги наизнанку выкрутит...
- Не выкрутит.
- Андрей еще не чувствовал, что влюблен в Римму. Но если даже это случится, тормоза его не откажут. Если она вдруг попросит организовать Казиминову побег, например, он ни за что на свете не вступит с ней в преступный сговор... Да и не станет она его просить об этом. Она же не дура, чтобы впутывать и его, и прежде всего себя в столь гиблое дело. Да и не отец ей Казимиров, чтобы идти ради него на безрассудство, он всего лишь дядя...

Глава 4

Еще вчера Станислав думал, что в карцере можно сидеть на бетонном постаменте. И вчера же он понял, как ошибался. Бетон хоть и сохранил свою прочность, но сильно растрескался, а в глубоких трещинах из-за повышенной влажности развелись мокрицы. Они не кусались, но одна мысль, что придется сидеть на них, приводила Казиминова в ужас. Поэтому весь вчерашний вечер он провел стоя и на корточках.

Ночью перед отбоем надзиратель отпер дощатые нары, на которые он смог лечь. Мокрицы больше не донимали, зато атаковали клопы.

Стены карцера были покрыты так называемой «шубой». Кто-то считал, что сделано это для защиты от вандализма – чтобы невозможно было вывести на стене вроде «Здесь был Вася». А кто-то точно знал, что «шуба» нужна для звукоизоляции между камерами. На стену накладывается металлическая сетка, которую покрывают толстым слоем крепкой штукатурки. Снова сетка и снова штукатурка. В конечном итоге выходит многослойный сэндвич с воздушными прослойками, финишный покров которой представляет собой шершавую поверхность темно-серого цвета. Любой строительный материал со временем теряет свойства – «шуба» трескается, связывая пустоты в стене многочисленными коридорами-трещинами. И когда в этих лабиринтах поселяются клопы, никакая химия не в силах справиться с ними. Их уничтожить мог только ядерный взрыв, но вряд ли тюремное начальство всерьез рассматривало подобную возможность борьбы с насекомыми. Война с клопами велась силами заключенных, которые из-за неимения тяжелой артиллерии сходились с ними в изнуряющих рукопашных схватках.

Всю ночь Станислав давил клопов и до боли расчесывал страдающее от их укусов тело. Спал по чуть-чуть, в коротких перерывах между боями. А под утро духота сменилась вдруг пронизывающим холодом, от которого невозможно было спрятаться. Потому Казимиров и не выспался, а рано утром его согнали с полатей, и добирать ночные часы пришлось в позе спящей лошади – на ногах, переминаясь с одной на другую. На завтрак подали хлеба и теплой воды, которая здесь гордо называлась чаем. И обеденная пайка не порадовала.

После обеда, ближе к вечеру, Станислава вызвали на допрос. Он ожидал встречи со следователем, но его привели в кабинет к заместителю начальника оперативной части. Там его ждал тот самый офицер, который и упек его в карцер. Станислав уже знал, кто это. Капитан Сизов, Андрей Павлович. Как знал, для чего в тюрьме существует оперативная часть.

Капитан смотрел на него с радушной улыбкой, но в глазах застывший слой эпоксидной смолы на липкой основе – не холодный, но жесткий и при этом какой-то клейкий.

– Курите? – спросил он.

И лишь когда Станислав утвердительно кивнул, достал из ящика стола пачку сигарет и пододвинул ему.

Приятно было после холодной и сырой камеры оказаться в комфортном и теплом кабинете, выкурить одну сигарету, с прицелом на будущее поглядывая на другую. Но Казимиров старался не расслабляться. Он понимал, что в оперативную часть его вызвали неспроста.

– Знакомиться не будем, – внимательно глядя на него, сказал офицер.

– Уже знакомы, – буркнул Станислав.

– Как в карцере?

– Спасибо, хреново.

– Что заработали, то и получили.

– Вы же знаете, я защищался...

– Это вы о ком?

– Об уголовниках.

– Но в изолятор вы попали не из-за них. Я о первопричине говорю. Насколько я знаю, вас обвиняют в убийстве жены...

– Да, и я в том полностью сознался.

– Сознались. Но перед этим пытались уничтожить следы преступления. Закопали бы труп... Или утопить хотели?

– Уже неважно...

– Как же так вышло, что вы убили жену?

– Мое признание подшито к делу, там все написано...

– Читал я ваше признание. Но там не указано, откуда у вас мог взяться пистолет «беретта» итальянского производства.

То ли Казимиров хотел избавиться от оружия вместе с трупом, то ли прихватил его с собой в машину на всякий случай – так или иначе, в момент задержания пистолет находился при нем, с отпечатками его пальцев на гладких поверхностях.

– Нашел.

– Где?

– Неважно...

В принципе подследственный был прав. На фоне убийства, которое он совершил, статья о незаконном хранении оружия казалась незначительной.

– И все-таки?

– Не травите душу, и без того тошно...

Он уже жалел о том, что поступил так, как вынужден был поступить. Перемотай время назад, сейчас в тюрьме вместо него сидел бы другой человек. Но жребий брошен, мосты сожжены, пути назад уже нет...

– А кафе у вас хорошее.

Станислав ушел в себя, прокручивая перед глазами пленку событий. И ухватил лишь последнее слово из фразы, сказанной Сизовым.

– Что, простите?

– В «Беллиссимо», говорю, обедал. Очень вкусно.

– А-а, да... Хорошо, что вам понравилось...

– Здесь так не кормят.

– Здесь такое только снится, – вымученно усмехнулся Станислав.

Хотел бы он оказаться сейчас в своем кафе. Но вряд ли бы он заказал сейчас пиццу или лазанью. Шашлыка бы сейчас по-кавказски да сала в черном перце по-белорусски. И водочки по-русски, да так, чтобы залиться...

– Да, кстати, тут просили передать.

Капитан выставил на стол большой картонный ящик без крышки. Оттуда очень вкусно пахло сыром и копчеными колбасками. В желудке заурчало, рот заполнился слюной.

– Племянница ваша передала.

– Римма?

– У вас еще есть племянница?

– Нет, племянниц больше нет. Два племянника...

Станислав превозмогал себя, чтобы не смотреть на посылку голодными глазами. Отправили бы его сейчас вместе с ней в карцер, там бы он дал волю своим желаниям.

– Вчерашний инцидент мы разобрали, – сказал капитан. – Я ничуть не оправдываю ваше поведение, но все же вынужден признать, что не вы, а ваш обидчик должен быть сейчас в карцере.

– Пусть он идет хоть к самому черту, – злобно, сквозь зубы процедил Казимиров.

– Нет, он останется в своей камере. А вас отправят в другую.

– В такую же, где яблоку негде упасть?

– Ну почему же, есть нормальные камеры. Правда, и там сейчас тесновато. Но это временно. Только вчера суд выпустил под расписку восемь человек, сегодня примерно столько же... Поверьте, мы принимаем меры к тому, чтобы разгрузить изолятор...

– Поверю. Когда в нормальной камере окажусь, поверю... Начальник, может, договоримся?

Только сейчас до Казиминова дошло, к чему клонит Сизов.

– О чем?

Тот сделал непонимающий вид, но это лишь игра.

– Камеру бы мне получше, а я в долгу не останусь... Вы мне телефон дайте, я сыновьям позвоню, они все, что надо, подвезут...

Деньги у него были. Много денег. А тюрьмой обычные люди заведуют. Люди, которые хотят вкусно кушать и сладко спать на мягком...

– Нет, сыновьям не надо.

– А кому надо?.. Римме?! – Станислав подозрительно покосился на капитана.

– При чем здесь Римма? – едва заметно смутился тот.

– Она же вам посылку передала?

– Она, но не через меня, через пункт приема. А я ее со склада забрал...

– А с Риммой вы виделись?

– Это не имеет значения...

Сизов слишком поспешно отвел в сторону глаза, и Казимиров все понял. Парень положил глаз на его любимую племянницу.

– Ты хочешь, чтобы Римма деньги привезла? – жестко и на «ты» спросил он.

– Деньги меня не интересуют, – недобро нахмурил брови капитан. И еще более жестко отчеканил: – И потрудитесь обращаться ко мне на «вы».

Станислав предполагал, что у Сизова сильный взгляд, но не думал, что настолько. Он так на него глянул, что душа трепыхнулась в груди, как парус на сильном ветру. Не просто сильный, а укрощающий взгляд. На какое-то время Казимиров почувствовал себя хищным зверем под хлыстом жестокого дрессировщика.

– А что вас интересует? Или кто?.. Римма вас интересует?

– А как вы сами думаете, Станислав Севастьянович? – более мягко посмотрел на него капитан.

– Римма – очень красивая девушка... И я знал одного парня, который сильно ее обидел...

Парень был один, и Римма любила его очень-очень. Запудрил девушке голову, пользовался ею, пока она ему не надоела, а потом бросил – к другой ушел. Но с этой другой он прожил недолго, бросила она его, а кому нужен инвалид со сломанным позвоночником?..

– Если она вам нравится и если у вас к ней серьезное отношение, пожалуйста, я не против. Но если вы хотите позабавиться с ней, то лучше оставьте эту затею...

Станислав очень любил свою племянницу и готов был убить любого, кто попытался бы обидеть ее. И Сизов от него никуда не денется. Если что, сам к нему на беседу напросится, а здесь, в кабинете, свернет ему шею. Он такой...

– Поверьте, у меня серьезные намерения, – глядя куда-то в сторону сказал капитан.

А Казимиров бросил взгляд на безымянный палец его руки. Обручального кольца нет, но это еще не факт, что не женат. Сейчас многие женатики без колец ходят...

– Тогда пробуйте... – неохотно позволил он. – Но учтите, Римма – девушка с характером. Она и отшить может...

Станислав знал, что говорил. После того случая, когда ее бросил парень, Римма два года ни с кем не встречалась: были ухажеры, но она им всем отказывала, а Герман с Севастьяном отваживали... Но при этом у него не было уверенности, что Римма даст от ворот поворот и Сизову. Он хоть и не перспективный, но как мужчина очень даже ничего. К тому же Станислав

от него уже в какой-то степени зависит, а он знал, что ради своего дяди Римма также готова на многое. И ради него, и ради общего семейного дела...

– Спасибо за прогноз, – невесело усмехнулся капитан.

– Да нет, я не утверждаю, но все может быть...

С одной стороны, Казимиров очень не хотел, чтобы Римма крутила роман с тюремщиком. Он ревновал ее, как отец, ко всем мужчинам... С другой, кто-то же должен помочь ему здесь, в тюрьме. А заместитель начальника оперативной части величина не малая. Пусть помогает...

– Что будет, то будет, а пока разговор закончен. Забирайте посылку и можете идти в камеру...

Станислав не стал спрашивать, что за камера его ждет. Он уже понял, что Сизов не станет подкладывать ему свинью.

Так и вышло. Сначала его отправили на сборку, где он провел не больше часа. Затем его прогнали по тому же кругу, что и вчера – баня, вещевой склад и, наконец, камера.

И эта камера резко отличалась от той, в которой пытался прописаться вчера. Примерно того же размера, но людей раз в пять меньше. Шконки в два яруса вдоль длинных стен, совсем не жарко и не душно. Стены плохо выбеленные, зато щели в них замазаны; выкрашенный коричневой краской бетонный пол. Двухкамерный холодильник, два телевизора, даже ноутбук на столе – один пассажир играет, двое молча наблюдают за процессом. Люди вполне приличные на вид, больше похожие на состоятельных людей, чем на голодраных уголовников. Сытые, гладко выбритые лица, дорогие спортивные костюмы... Судя по всему, эта была особая камера, где содержались кредитоспособные арестанты. Само собой, сюда они попали не просто так.

Под потолком веревки с мокрым бельем – сырость. Унитаз, вмурованный в бетонный постамент, на нем за ширмой тужится какой-то арестант – отсюда вонь. Табачный дым под потолком. Но все это безобидные цветочки по сравнению с теми волчьими ягодками в той камере, куда Станислав попал вчера.

– Оп ля! Кого там к нам занесло!

С верхней нары у самого окна соскочил какой-то тип в трениках с дустыми коленками, в тельняшке с короткими рукавами. Типичного уголовника, который резко отличался от основной массы присутствующих здесь арестантов. Нижняя шконка в том же углу была занавешена, но едва раздался куражливо-удивленный возглас, простынка отошла в сторону, и Станислав увидел еще одну физиономию, прожженную тюремными и лагерными ветрами. Похоже, это был смотрящий.

Обитатели камеры смотрели на уголовников со скрываемой, но все же заметной неприязнью. Но как бы то ни было, они поспешили освободить стол. Разошлись по своим шконкам в молчаливом ожидании зрелища. Камера, может, и привилегированная, но, похоже, порядки здесь такие же, как и везде. Станислав подумал, что тюремная администрация нарочно подселила сюда уголовников, чтобы те не давали расслабляться порядочным людям.

– Ну чего стоишь – мнешься? – беззлобно, изображая из себя доброго дядю, спросил смотрящий. – Скатку бросай на шконку, а что в сумке, давай на дубок, глянем, что там у тебя такое, а потом чайку с нами попьешь, с дороги...

Свободных шконок в камере было две, и обе у самого сортира. Станиславу это не очень понравилось. И он пристально глянул на смотрящего и его подпевалу. Оба высокие, но худые, к тому же в них не чувствовалось высокопрочного внутреннего стержня. Вчерашний блаткомитет производил гораздо более устрашающее впечатление.

Станислав не стал возмущаться, бросил матрац с бельем на пустующую шконку, а туго набитую сумку поставил прямо на стол.

– Эй, ты что творишь? – ощерился беззубым ртом подпевала.

– Нельзя хабар на стол ставить! – угрожающе нахмурился смотрящий.

– Сам же сказал, что сумку на дубок ставь, – криво усмехнулся Казимиров.

– Я сказал, что в сумке...

– Извини, не уловил...

Он поставил сумку на пол, вытащил оттуда кое-что из продуктов, положил на стол. Шмат сала, краковская колбаса, печенье, конфеты. Но уголовники с кислыми лицами обзрели эти богатства.

– И это все?

– А что, все надо отдать? – окинул их мрачным взглядом Станислав.

– Тебе же сказали, чай пить сейчас будем. Значит, все выкладывать надо...

Ему ничего не стоило наклониться и достать из сумки пластиковую баночку с красной икрой, пармезанский сыр и любимые итальянские колбаски – все, что он оставил для себя. В сборной камере он немного перекусил всухомятку, и сейчас был не настолько голоден, чтобы жадничать. Но не хотелось кланяться этим типам, возмнившим себя вершителями чужих судеб.

– А не вижу, чтобы чайник закипал, – пренебрежительно усмехнулся Станислав и занял место за столом по другую сторону от смотрящего, хотя его вроде бы и не приглашали присесть.

– Будет тебе чайник, – злобно ухмыльнулся подпевала. – И чайник будет, и кипяток, если ты такой борзый...

– Ша! Щербатый! – смотрящий важно провел по воздуху рукой, призывая к спокойствию. – Не надо бросаться словами. Человек еще не понимает, куда попал...

– Зато я понимаю, – презрительно фыркнул Щербатый. – Сразу видно, что первоход куражный... Смотри, Арканыч, он даже не понял, о чем я толкую!

– Не понял, поймет, – увещавательно глянул на него смотрящий.

И перевел недовольный взгляд на Станислава.

– Первый раз в тюрьме?

– Первый.

– Значит, первоход.

– И пряник, – добавил Щербатый.

– И что? – свысока усмехнулся Казимиров.

– А то, что молчать должен и слушать, что тебе люди говорят! – вспылil подпевала.

– Ну, слушаю...

– Слушать и впитывать!..

– Впитывать ты сам будешь! – угрожающе взъерошился Станислав.

И Щербатый заметно сник под его тяжелым угнетающим взглядом. Но все же до конца не понял, что не на того нарвался.

– Ты за базаром следи! – дернулся он.

– Ша! – снова одернул его Арканыч. – Хватит дразни разводить, не по-людски это!

В отличие от своего дружка он не хотел ни с кем конфликтовать. И вовсе не потому, что такой хороший. Нравилось ему в этой камере, где нет смердящей тесноты и уничтожающей сырости, где состоятельные арестанты делятся с ними своим благом из домашних посылок. И назначил его смотреть за этой камерой не воровской сход, а тюремная администрация. И спрашивать с него за беспорядок будет не воровской пахан, а начальник оперативной части. Ему и меры взыскания применять к нему не надо, достаточно будет отправить его в общую камеру, где правят бал настоящие воровские люди... Всего этого Станислав не знал, но догадывался, что положение Арканыча не очень прочное, если не сказать, шаткое. Он и не колосс, и на глиняных ногах. И Щербатый при всей его спесивости отнюдь не такой крутой, каким он пытается казаться.

– Тогда говори, что тебе надо? – Станислав недружелюбно глянул на смотрящего.

– Не, ну ты смотри на него, братан! Пряник рамсы попутал!

– Погремуха у тебя есть? – отмахнувшись от Щербатого, неуверенно спросил Арканых у новичка.

– Нет.

– Будет! – снова твякнул подпевала.

– Казимиров – моя фамилия, можете Казимиром меня назвать...

– Казимир?! Круто звучит! Почти как Кайзер. Только кто ты такой, чтобы тебя так круто называть? – агрессивно спросил Щербатый. – Тюрьма тебе погонялу даст. Знаешь, как? В окно сейчас крикнешь. Тюрьма, дай имя, крикнешь, понял? Как тебя назовут, тем и будешь!

– А если плохим словом назовут? – хищно сощурился Станислав.

– Назовут Помойкой – будешь Помойкой!

– Считаю, что уже назвали... Ты – Помойка!

– Что?! – взвился Щербатый.

– Отныне тебя зовут Помойка! – поднимаясь из-за стола во весь свой рост, выстрелил Станислав.

– За базар ответишь!

Щербатый дергался, как плохо отрегулированный двигатель на холостых оборотах. Шумел, но с места стронуться не мог – страх перед противником напрочь заблокировал коробку передач, и он не мог включить ни первую, ни вторую скорость.

– Отвечу, – кивнул Станислав.

И со зловещей ухмылкой подошел к Щербатому. Он не стал его бить, он всего лишь крепко двумя руками взял его за голову и потащил к шконке у сортира. Продолжая держать его за голову, оторвал от земли и тут же отпустил, глядя, как он падает на пятую точку опоры.

– Теперь это твое место, Помойка! Вопросы?

Вопросы у Щербатого были, но озвучить он их был не в состоянии. Боль и страх довели над сознанием, превращая тело в кучку беспомощной плоти.

– Зачем ты так с ним? – испуганно и с осуждением покачал головой Арканых. – Не по-людски это!

– А как по-людски?

– Поговорить надо...

– Говори, – кивнул Станислав и злобно глянул в сторону его подпевалы. – С ним и говори!.. Ваши места рядом, так что говорить можешь с ним, сколько хочешь, столько и говори!

– Ты что вытворяешь?! – взвился было Арканых.

Но Казимиров дал укорот и ему. Схватил его за ухо и, как нашкодившего школьника, потянул к Щербатому, толкнул, подставляя ногу – споткнувшись, поверженный смотрящий упал точно на Помойку. Не прошло и минуты, как на них полетели матрасы со всем их бельем и вещами.

– Воду для чайка из унитаза брать будете, – ухмыльнулся Станислав.

Свои вещи он перенес на освободившееся место Арканыха. Теперь он стал в этой камере смотрящим. А кому не нравится – пусть подходит и говорит.

Но подошел к нему только один человек. И то – совсем по-другому вопросу. Это был Кологривцев, мелкий, но по своему важный чиновник из городской администрации. В свое время Станислав давал ему взятку, чтобы он ускорил процесс прохождения документов по бюрократическому кругу. Он тогда строил свой бизнес-центр, и, надо сказать, Кологривцев ему в этом здорово помог. Деньги взял, но отработал их сполна.

– Станислав Севастьянович! Рад вас видеть! – заискивающе улыбнулся бывший чиновник.

– А я тебя не очень, – барственно ухмыльнулся Казимиров. – Но все равно здорово!

Он пожал ему руку, но к себе на шконку подсесть не пригласил. Пусть постоит... Ему нравилось ощущать себя паханом пусть не большой, но камеры. Не зря же он похож на знаме-

ни того сицилийского мафиози Тано Каридди. Не зря же у него есть сплоченная семья, которой позавидовал бы сам дон Корлеоне. Он не чувствовал себя выскочкой-самозванцем, потому что он всего лишь восстановил свой статус авторитета, которым обладал на свободе. А Кологривцев и на воле был «шестеркой», таковым он останется и здесь. Станислав нисколько не сомневался в том, что сможет помыкать не только им, но и всеми другими обитателями камеры. Впрочем, злоупотреблять он не станет...

Глава 5

Римма появилась, когда клуб уже вовсю крутил свою программу. Андрей заплатил за вход, провел ее в зал, заполненный больше чем наполовину. Народ уже толпится и долбится в кислотных испарениях клубной музыки, лучшие столики возле эстрады с шестом уже заняты – после полуночи здесь могли появиться исполнительницы эротического танца, чтобы повысить градус всеобщего куража. Андрей не считал себя пуританином и к стриптизу относился с тем же чувством, с каким в позапрошлом веке люди воспринимали балет, где танцевали красивые и неприлично обнаженные, по меркам тех лет, красавицы – вроде искусство, но в то же время пища для страстных побуждений. Но сегодня его совсем не интересовало, будет стриптиз или нет. Рядом с Риммой он совершенно игнорировал других женщин. И было бы неплохо, если бы одна из них проигнорировала его самого. Об этом он подумал, когда увидел в толпе танцующих свою бывшую девушку.

Он бывал с Альбиной в «Ночном Раю». Два месяца он дружил с ней, пока отношения не сошли на нет. Иногда ему казалось, что это произошло само по себе, но чаще он склонялся к тому, что Альбина сама охладела к нему. Да и он совсем не расстроился, когда недавно увидел ее с другим парнем. Пустая она какая-то, да и ненадежная.

Альбина и сегодня была в ночном клубе. Смазливая грациозная блондинка, она спокойно извивалась в заданных темпах ритмичной музыки. Андрей случайно скользнул по ней взглядом, она заметила его, призывно улыбнулась.

Она должна была быть здесь со своим парнем, и то, что его рядом с ней не было, Андрея не удивило. Сидит, наверное, за каким-нибудь столиком да пускает дым в потолок. И пусть сидит. И Альбина пусть танцует. Ему все равно...

Но Альбина разрушила его чаяния. Выскочила из круга, настигла его, мягким движением тронула его за плечо.

– Хай! – певуче, на знакомом эротическом придыхании поздоровалась она.

И как ни в чем не бывало чмокнула его в щеку.

Выглядела она эффектно. Обтягивающий серебристый топик с открытыми плечами, облегающие короткие до неприличия шортики. На лбу белая ленточка, чтобы роскошные волосы не спадали на глаза.

– Извини, я не один, – показывая на Римму, покачал головой Андрей.

– А кто это? – перекрикивая шум, неприязненно спросила она.

Римма ответила ей тем же – глянула на нее вызывающе-презрительным взглядом. Держалась она при этом с достоинством и внешне спокойно, но Андрей уловил внутреннее волнение.

– Альбина, ты бы шла, а то сейчас твой бой объявится...

Всем своим видом он показывал, что нет у него никакого желания общаться с ней, но Альбину как заклинило.

– Ты про Жору? Нет его! Я свободна. И ты можешь проводить меня домой!

Андрей приложил губы к ее уху, шепнул несколько слов, и только после этого, гневно фыркнув, Альбина вернулась в свой круг.

Появившийся официант показал Андрею на свободный столик, он провел за него Римму, отодвинул кресло, помогая ей сесть.

Римма была все в том же привычном наряде – футболка и джинсы, выглядела не так вульгарно, как Альбина, но на порядок более сексуально. Андрей не сводил с нее глаз.

– Кто это? – кивнув головой на танцпол, с видимой небрежностью спросила она.

– Подружка. Бывшая.

– Может, настоящая?

– Настоящей у меня можешь быть только ты.

– Это что, признание? – польщенно и с некоторым стеснением улыбнулась она.

– Нет. Признание в такой обстановке не делается. Слишком здесь шумно для признаний...

Хоть и не сильно приходилось напрягать голосовые связки, но все же нужно было перекрикивать музыку. Да и слух напрягать надо было, чтобы слышать Римму.

– Может, пойдем туда, где тише? – в раздумье и без особого желания подниматься из-за столика спросила она.

– Ты же сама сюда хотела.

– И сейчас хочу. Побудем здесь и пойдем...

Она сама сделала заказ – фруктовый салат, рыбную нарезку и фирменный коктейль с мартини и ромом. Денег у Андрея хватало, поэтому он был спокоен.

– Что там с моим дядей? – спросила она.

Он не хотел заводить разговор на эту тему. Не очень приятно было осознавать, что Римма оказалась в компании с ним из родственного долга. Но ведь этот долг мог быть всего лишь поводом с ее стороны, чтобы провести с ним этот вечер, а может, и ночь.

– В хорошую камеру перевели. Посылку твою отдал...

– Спасибо тебе.

– Нормально все будет... Ну, относительно.

– Что значит, относительно?

– Твой дядя убил человека, его будут судить, он получит срок. Здесь я ему ничем не смогу помочь.

– Не убивал он никого.

– Как не убивал, если сознался?

– А-а... Если сознался, значит, убивал... – принужденно согласилась Римма.

– А может, не убивал? – пристально посмотрел на нее Андрей.

Она съезжилась под его взглядом, изумленно посмотрела на него.

– Ты что, допрашивать меня собираешься?

Андрей понял, что переборщил.

– Извини, это условный рефлекс. Ты сказала, я среагировал...

– А если я петь начну?

– У меня на это рефлекса нет. Но если начнешь, может, станцюю.

– Так в чем же дело?

Они выпили по коктейлю, заказали еще пару и отправились на танцпол.

Танцевать Римма умела – зажигательная энергия, чувство такта, пластика движений. Андрей не мог похвастаться успехами на этом поприще, но был не хуже многих, и этого вполне хватало, чтобы чувствовать себя комфортно в толпе танцующих.

Дискомфорт возник с появлением Альбины. То ли она распалилась в танце, то ли разгорячила доза спиртного или даже более крепкого стимулятора, может, и то и другое, но умом она тронулась. Вплотную подошла к Андрею, одной рукой обняла его за шею, в танце, извиваясь, отстранилась назад, крутнулась вокруг него – как будто он был шестом, а она стриптизершей. Прильнула к нему близко-близко, извивающейся змейкой просела в коленях, коснувшись лбом пряжки на его ремне. Только тогда Андрей взял ее под руки, оторвал от себя, поставил на ноги. Легонько потрянул:

– Очнись!

Но Альбина ничего не поняла, улыбнулась иступленно-блудливо и полезла целоваться. Он более решительно оттолкнул ее от себя, но не настолько сильно, чтобы она упала. Все же Альбина потеряла равновесия и растянулась бы на полу, если бы ее не удержала Римма.

– Все в порядке? – участливо спросила она и даже мило ей улыбнулась.

Альбина какое-то время разглядывала ее, затем кивнула с язвительной усмешкой на губах. Но промолчала.

– Ей плохо, – обращаясь к Андрею, сказала Римма. – Ее холодной водой умыть надо.

Она дернула Альбину за руку и потащила за собой – как локомотив состыкованный с ним вагон. Андрей попробовал увязаться за ними, но Римма его осадила – знаками объяснив, что им нужно в женский туалет, куда ему хода нет.

Римма вернулась минут через десять, благодушно улыбнулась, опускаясь за столик.

– А где Альбина?

– Домой поехала. Перебрала девка...

– Ты злишься?

– На нее? Нет. А на тебя тем более... Кто ж виноват, что к тебе такие липнут? – Она продолжала мило улыбаться, но в ее голосе угадывались студено-язвительные нотки.

– Какие такие?

– Да такие... Мне уже пора. Проводишь меня?

– Может, еще останемся?

– Да, конечно, ты можешь оставаться.

Она поднялась с места, подхватила свою сумочку и направилась к выходу. Андрею же пришлось искать официантку, чтобы расплатиться.

Римму он нагнал на улице. Она стояла возле иномарки, а какой-то долговязый парень, похоже, не совсем трезвый, открывал ей дверцу. Рядом с ним стоял его дружок, низкорослый, но коренастый, повышенной плотности. Он плотоядно улыбался, глядя, как Римма садится в машину. Он чувствовал себя пауком, на чью паутину опустилась вкусная муха.

Дверца уже закрывалась, когда Андрей подставил ногу. Схватил Римму за руку, чуть ли не силой вытащил из салона.

– Эй, ты чо творишь? – возмущенно взвыл один паренек.

– Не, ну ты борзый! – вспенился второй.

– Извините, ребята, но это моя девушка! – сказал Андрей и слегка оттолкнул от себя Римму, закрывая ее от нагло-загребущих взоров.

– Раньше надо было думать! Она к нам в машину села, значит, наша!

– Мальчики, злые вы какие-то! Я лучше с ним поеду! – Римма вцепилась Андрею в руку так, словно это была веревка, брошенная с борта судна утопающему.

– Все, ребята, расходимся!

Андрею очень не хотелось ввязываться в драку, но... Первым его попытался ударить коренастый. Андрей резко пошел на сближение и, поднырнув под кулак, ударил его в солнечное сплетение. Парень с хрипом сложился пополам, не помышляя больше о продолжении атаки.

– Не, ну ты псих! Не мог нормально сказать, что девка твоя? Руки чего распускать!

Долговязый сотряс воздух, но дальше этого не пошел. Побоялся лечь рядом со своим дружком. Косо поглядывая на молча стоящего Андрея, помог пострадавшему сесть в машину и увез его.

– И с этими трусами я собиралась ехать в ночь, – презрительно усмехнулась Римма.

– Куда?!

– Домой... Должен же был меня кто-то проводить...

– Ты же немного выпила.

– При чем здесь это?

– Ведешь себя глупо. Они бы тебя проводили. Сначала один, затем второй...

– Ты людей по себе судишь? – Она не зло, но с вызовом смотрела на него.

– Таких людей суд судит. Знаешь, сколько у нас в тюрьме таких «проводящих»?

– Ничего, я бы отбилась...

Она достала из сумочки и показала ему блестящий цилиндр довольно-таки мощного электрошокера.

– А если б нет?..

– Тогда бы ты был виноват. Почему сразу за мной не пошел?

– За стол надо было заплатить, ты не подумала?

– А, ну да...

Римма спрятала электрошокер, а взамен вытащила две тысячные купюры, протянула их Андрею.

– Зачем? – оскорблено нахмурился он.

– За ужин...

– Ты издеваешься?

– Нет... Так нечестно, ты за дядю моего хлопочешь, еще и за клуб платишь...

– Пошли.

Он подвел Римму к своей машине, открыл ей дверцу.

– Адрес? – спросил он, вставляя ключ в замок зажигания.

Он был немного под градусом, но это не мешало ему контролировать и себя, и машину. А гаишников он не очень боялся. После случая, когда один из них оказался в тюрьме за получение взятки, эти ребята внесли сотрудников СИЗО в свой негласный список привилегированных лиц.

– Улица Профсоюзная, сто четырнадцатый дом.

– Это как из города на московскую трассу ехать? – на всякий случай уточнил он.

– Так и ехать, – кивнула она. – Наш дом на самой окраине...

– И до «Беллиссимо» недалеко.

– Два километра триста метров.

– Пешком дойти можно.

– Я пешком не хочу. Меня возят.

– Кто?

Андрей вспомнил мужчину за рулем «Форда», на котором Римма отъезжала сегодня от тюрьмы.

– Тот, кто в ночной клуб не захотел меня везти...

– Твой парень? – с напряжением в голосе спросил он.

– Нет... А если да?.. У тебя Альбина есть, а у меня что, парня быть не может?

– Альбина давно уже в прошлом.

– Не знаю, не знаю.

– Это на нее нашло. Тебя увидела, и нашло. Если б ты какой-нибудь дурнушкой была, она бы и близко не подошла. А ты... Не дурнушка ты, поэтому ее заело...

– Не дурнушка, а какая? – заинтригованно спросила Римма.

– Уже без разницы...

– Почему без разницы?!

– Потому что я сейчас отвезу тебя домой. И мы больше с тобой не увидимся.

– Почему?

– Потому что ты плохо себя ведешь. Деньги мне предлагаешь, в машину к посторонним садишься...

– Я больше не буду! – с шутливой улыбкой, но проникновенно посмотрела на него Римма.

– На первый раз поверю.

– Так какая я?

– Красивая... Да ты и сама это знаешь...

– Когда сама знаешь – это одно, а когда мужчина подтверждает – совсем другое...

– Смотря какой мужчина.

- Да, чем мужчина лучше, тем приятней комплимент... Ты лучше...
- Кого лучше?
- Вообще... Может, не поедем домой? Может, по городу покатаемся?
- Можно на реку.
- Зачем?
- На берегу постоим.
- Музыка послушаем?
- Почему нет?
- Ты приставай будешь... – многозначительно посмотрела на него Римма.
- Не буду.
- Тогда вези меня домой.
- А если буду?
- Тогда хоть к самому черту!

До реки они не доехали, Андрей знал одно укромное место в городском парке, туда и загнал машину.

- Ты здесь уже не в первый раз? – подозрительно глянула на него Римма.
- Нет. Как-то раз пивка заехали сюда попить.
- С кем?
- С мужской компанией.
- Врешь!.. С Альбиной здесь был...

И с Альбиной здесь был, мысленно согласился Андрей, но вслух сказал, что Римма глубоко заблуждается.

- Ну и что, если с ней... – неловко махнула она рукой. – Сейчас же ты со мной?
- И сейчас, и всегда.
- Точно всегда?

Андрей хотел сказать «да», но у Риммы не хватило терпения. Она сама прильнула к нему, жадными губами накрыла его рот...

Он хотел снять с нее футболку, но она опередила его – извернулась под ним, разделась до пояса. Бюст у нее действительно был упругим и даже в горизонтальном положении возвышался так же гордо, как Эверест над уровнем моря. Нежные бархатистые округлости, спелые вишенки – одинаково прекрасные как на вид, так и на вкус... С джинсами возни было совсем не много – они сидели на ней так низко и туго, что, казалось, сами соскочили с бедер и жгутом скрутились на щиколотках. И здесь образцово-показательная гармония...

- Только не обмани, – прошептала она в ожидании последнего шага к полному слиянию.
- Не бойся.

Андрей сделал этот шаг, и они вместе понеслись навстречу взрывному блаженству...

* * *

Римма не торопилась одеваться. Набросила на бедра майку, оставляя на обозрение совершенной формы возвышенности.

- Это я отплатила тебе за своего дядю, – сказала она.
- Чего?! – встрепенулся Андрей.
- Это я не тебе, а себе говорю... Себя оправдываю. Перед собой...
- Ты о чем-то жалеешь?

– Жалею. О чем-то. О том, что этой встречи могло бы и не быть, если бы не дядя... А так ни о чем не жалею. Мне с тобой было очень... Надеюсь, что взаимно...

- Более чем...
- Ты не хочешь отвезти меня домой?

– Не хочу.

В машине было хорошо, единственно, что чехлы на сиденьях не очень чистые, а застлать их было нечем, так и лежали.

– И не отвози... Мне с тобой так спокойно...

– Мне тоже...

– Тебе, наверное, завтра на работу?

– Ничего. Я еще молодой, могу две-три ночи подряд не спать...

– Было такое?

– Случалось.

– И с кем это ты не спал? С Альбиной?

– Далась она тебе.

– Нет, это она тебе далась!

– Что было, то уже в прошлом. А ты что, ревнуешь?

– Сама понимаю, что это глупо... Не понравилась мне эта Альбина. Липучая она какая-то... И красивая... Это плохо, что я ревную?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Это плохо. Для меня плохо. И для тебя... Ты сам хотел меня. Ты меня получил. И теперь ты не должен быть с кем-то, кроме меня...

Римма приподнялась на локте и с мягкой угрозой, но непоколебимо смотрела на Андрея.

– Я и не собираюсь...

Его не удивляло ее поведение. Обычное женское чувство собственности, заложенное в ней самой природой.

– Вот и хорошо... А то я не только ревнивая, но и вредная... Если вдруг что, начну вредить... И не только я...

– Кто еще?

– Братья у меня, они тебе не простят...

– Встречался я с твоими братьями.

– Герман мне рассказывал. Побил ты их сильно...

– Злятся?

– Что-то в этом роде... Но у меня еще родные братья есть. Олегу – двадцать, Игорю – девятнадцать...

– Имена русские.

– Отец настоял. Он из иностранного только маму любил. И то до поры до времени...

– То есть?

– Разошлись они. Отец в Тольятти остался, с новой женой, а мы сюда переехали... Дядя дом большой построил, сказал, что места всем хватит...

– Хороший у тебя дядя.

– Да, хороший... Только жесткий очень. Всех в кулаке держит. Жесткий, но справедливый. Без дела никого никогда не обидит...

– А по делу?

– Ну, бывает...

– А жену свою... Ну это, за что с ней так?

– Он ее не убивал...

– А кто это сделал? – заинтересованно спросил Андрей.

– Не спрашивай меня об этом, – предостерегающе посмотрела на него Римма.

– Как это не спрашивай? У нас тюрьма переполнена, людей девать некуда, а она не спрашивай. Если дядя твой не виновен, тогда зачем его в тюрьме держать?

– А если он чужую вину на себя взял?

– Чью чужую?

– Ничью... Ничего я тебе не говорила, – мотнула головой Римма. – Ничего...
– Странно все это... И пистолет этот, откуда он мог взяться у владельца кафе и автосервиса? Он в оружейных магазинах не продается...

– Ты про «беретту»?.. Так это просто. Он ее у каких-то заезжих парней купил. Они предложили, а он купил. Потому что итальянского производства, потому и купил. Теперь понятно?

Объяснение могло показаться правдоподобным, тем более что Андрей знал о тяге Казимира ко всему итальянскому.

– Понятно. И все равно странно...

– Странно то, что мы с тобой. И вдвойне странно, что мне с тобой хорошо...

– И ты хочешь остаться со мной?

– Втройне странно, что да...

– Но люди не могут быть вместе, если у них есть тайны друг от друга...

– Хорошо, тогда перечисли имена всех своих подружек...

– Ну, Альбина... Это в прошлом...

– Что, и все?

– Ну да.

– Врешь... Ты не думай, я тебя не пытаю. И ты меня не пытай...

– От того что у меня были девушки, не жарко и не холодно. А твой дядя в тюрьме...

– Он сам так захотел... Только не вздумай ему ничего говорить, – спохватившись, обеспокоилась Римма.

– Могу и сказать... Не забывай, кем и зачем я работаю.

– Кем ты работаешь? Охранником в тюрьме?

– Не совсем. Я служу в оперативной части.

– Я не разбираюсь в ваших тонкостях...

– Зато я разбираюсь. И занимаюсь оперативно-розыскной деятельностью. Личная безопасность осужденных – на мне, выявление готовящихся в СИЗО преступлений – на мне, содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных на свободе – тоже на мне... Такая вот я тягловая лошадка, тащу эту тележку и не фыркаю. Я еще молодой, мне все интересно. В том числе тайны, которые ты от меня скрываешь. Потому что они касаются заключенного, ответственность за которого возложена на меня. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Не знала я, что ты так много на себя берешь, – глуповато улыбнулась Римма, тем самым пытаясь скрыть серьезную озадаченность.

– И сам беру много, и ты мне хлопот добавила. В общем, мне очень интересно все, что связано с твоим дядей. И если не он убил свою жену, то я должен знать, кто...

Римма думала недолго.

– Он убил.

– Но ты же говорила, что нет.

– Говорила... Хотела, чтобы ты относился к нему как к человеку...

– А может, все-таки не он убил?

– Нет-нет, он...

– Ты в этом уверена?

– Да!

С каждым сказанным словом ее голос звучал все уверенней. Но Андрей ей не верил. Отговорки это все, стрелы, пущенные вслед неосторожно вылетевшему слову-воробью.

– Я тебя понял. Ты хотела сделать лучше для дяди... Что ж, твое право.

– Ты мне веришь?

– Верю.

Он всего лишь сделал вид, что принял на веру ее отговорки. Но мысленно поставил перед собой задачу – разобраться в этом туманном деле.

Глава 6

Всю ночь Казимиров провел, не смыкая глаза. Спать хотелось невыносимо, но его беспокоили Щербатый и Арканыч. Разжалованная блатота могла пойти на реванш, этого Станислав и опасался.

А утром после подъема к нему подсел Кологривцев, обратился к нему с заговорщицки-заигрывающим видом. Едва уловимым кивком показал на Щербатого, который дожидался своей очереди к раковине-умывальнику.

– Они там о чем-то шушукались, – шепнул он. – Что-то затевают.

– Пусть затевают, – с презрением к противнику скривился Станислав. Он сам чувствовал, что вышло фальшиво, но это его не смутило. – Я их, козлов, в бараний рог...

– Добить их надо.

Казимиров пожал плечами. С одной стороны, Кологривцев прав, но с другой – ему-то какое до этого дело?..

– Как бы чего не вышло.

– А ты не каркай!

– Да я не каркаю, я подсказать хочу. Ты человек новый в наших кругах...

– В каких на хрен ваших кругах? В дерьме вашем, скажи!

– Ну, можно сказать и так! – согласился Кологривцев.

Казимиров вспомнил, как позавчера блатные разводили его на словах. И сам в свою очередь вцепился в бывшего чиновника. Уничтожающе глянул на него, коварно ухмыльнулся.

– Ты что, в дерьме живешь?

– Я?! Нет! – пугливо оглядевшись по сторонам, мотнул головой Кологривцев.

Он очень надеялся, что никто ничего не заметит, но камера уже прислушивалась к разговору. И даже Щербатый нехорошо скалился – в предчувствии веселого разговора.

– Да нет! Ты не так понял!

– Что не так понял?.. В дерьме мы, значит, живем, да?

– Нет, но...

– Я понимаю, грязно здесь, от сортира воняет...

– Но это не дерьмо, нет, – еще более отчаянно мотнул головой бывший чиновник.

– То есть в сортире не дерьмо? Шоколад там, да?

– Нет, в сортире как раз дерьмо...

Казимиров глянул на Щербатого, а тот, на свою беду, воспринял это как просьбу о помощи. Дескать, добить лоха надо...

– Ты сам как дерьмо! – хохотнул он, обращаясь к Кологривцеву.

Но Станислав нарочно его «не так понял». С грозным видом поднялся со своей шконки.

– Ты что-то сказал, Помойка?

– Э-э, это я не тебе! – испуганно шархнулся от него Щербатый.

Но Станислав надвигался на него неумолимой скальной глыбой. В конце концов уголовник не выдержал, сунул руку под подушку, вытащил оттуда остро заточенный черенок от ложки. И даже попытался нанести удар. Но Станислав не зря в свое время занимался борьбой и качал мышцы. Он перехватил руку, но ломать ее не стал, хотя и мог. Выбил заточку, ногой пнул ее под кровать.

В это время приоткрылась дверь, с грохотом стукнувшись о блокиратор. Появилось откормленное лицо надзирателя.

– Что здесь такое?

Он подозрительно глянул на Щербатого, за спиной которого стоял Станислав. Рука взята на излом, малейшее движение, и боль будет сумасшедшая, и перелом. Щербатый это понимал,

потому промолчал. А вчитываться в его жалкий, взывающий о помощи взгляд надзиратель не стал.

– Ничего, командир, все в порядке! – бодро подмигнул ему Станислав и красноречиво глянул на Кологривцева.

Оказывается, не зря тот был чиновником, если умел понимать с полуслова. Он мигом вскочил со скамейки за столом, на полусогнутых подбежал к надзирателю и сунул ему в руку две тысячные купюры.

– Поесть что-нибудь принеси. И диск бы для «DVD»...

Надзиратель только рад был подзаработать. Забрал деньги, закрыл дверь с видом человека, который все понимает, но которому все равно...

Станислав мельком глянул на разжалованного смотрящего. Арканыч предпочел не вмешиваться. Сидит, притихший, делает вид, что ничего не замечает. Не в том он состоянии, чтобы ударить в спину. А раз так, то с Щербатым можно было делать что угодно.

– Я тебе сейчас покажу, где настоящее дерьмо зимует!

С этими словами Станислав сунул его головой в унитаз. Выждал несколько секунд для чистоты нечистого эксперимента, швырнул жертву на загаженный мочротами пол.

– Порядок здесь наведешь, чмо!

Казимиров не был искушен в законах и порядках арестантской жизни, но все же прекрасно понимал, что после такого унижения Щербатый уже никогда не сможет подняться, а значит, мстить своему обидчику не будет смысла. А трусливый Арканыч тем более не посмеет поднять руку на нового и гораздо более крутого, чем он сам, смотрящего.

Какое-то время Щербатый смотрел на Станислава с тихой беспомощной ненавистью, затем взялся за тазик и тряпку.

Станислав глянул на злорадно ухмыляющуюся физиономию Кологривцева. Гаркнул на него:

– А ты чего сидишь, присоединяйся!

– Но сегодня не моя очередь! – жалко возмутился тот.

– Не так понял, кровосос. Кровь народную пил, теперь сам поработай. Сколько ты денег с меня за строительство взял, а?

– Ну так это же дела житейские...

Кологривцев обвел просительным взглядом сокамерников, но понимания у них не нашел. Почти все находящиеся здесь арестанты были людьми более менее состоятельными, большинство из них не понаслышке знало, что такое хождение по чиновникам.

– Так и здесь житейские, – усмехнулся Казимиров. – Не в дерьме, чай, живем. Сортир строить будешь...

– Как его строить? Он уже построен!

– Строен, да не достроен. Кабинку будешь строить...

– Как?

– Сначала разрешительную документацию соберешь. Хоть к начальнику тюрьмы обращайся, хоть к самому министру... Материал найдешь, оплатишь. Вагонка, фанера – что угодно, но чтобы все гладко... Ты меня понял?

– А где я все это... – начал было Кологривцев.

Но Станислав его оборвал.

– Ты меня понял?

– Понял.

Сразу после завтрака Казимирова вызвали на допрос. Он хоть и сознался в убийстве своей жены, но следствие продолжалось.

В ожидании, пока освободится следственный кабинет, ему пришлось провести в «станке» без малого два часа. Станислав выходил оттуда, обливаясь потом.

– Жарко в камере? – глянув на его мокрую футболку, спросил следователь, усредненной наружности мужчина в усредненном серого цвета костюме. Ефимцев Любомир Александрович. Станислав познакомился с ним еще в изоляторе временного содержания, где он предъявил ему обвинение.

– Я бы не сказал, – буркнул он.

Душно было в переполненной камере да в «стаканах» без окон. А в обычной камере по ночам уже холодало. Батареи еще не топились, а на улице хоть и теплая, но осень... Домой бы, побродить бы по саду, дохнуть свежего воздуха. А еще лучше в баньке попариться – с медом и пивком...

– А чего такой мокрый? – безучастно спросил Ефимцев и, не дожидаясь ответа, перевел разговор в другое русло. – Времени у меня не много, несколько уточняющих вопросов, и мы разойдемся. У вас, наверное, прогулка скоро?

– После обеда.

– А с обедом как? Хорошо кормят?

– Ну, если судить, как черпаком по миске стучат, то хорошо. Громко стучат, – усмехнулся Станислав. – Только пусто...

– Но вы человек в общем-то состоятельный, посылки из дома, надеюсь, получаете...

– Ну и что дальше?

– Да нет, ничего... Несколько уточняющих вопросов...

– Весь внимание.

– Судя по вашим показаниям, выходит, что вы случайно выстрелили в свою жену...

– Да, баловался оружием. Стоял в коридоре, целился в дверь, а тут она выходит. Я как раз в это время нажал на спусковой крючок... Не думал, что пистолет заряжен...

– Значит, вы считаете, что преступление, в совершении которого вы обвиняетесь, можно переквалифицировать как причинение смерти по неосторожности...

– Это адвокат так считает... Но я действительно убил по неосторожности...

– Статья сто девятая уголовного кодекса. Ограничение свободы на срок до трех лет или лишение свободы на тот же срок...

Станиславу очень хотелось надеяться, что ему назначат самое мягкое наказание – ограничение свободы. Он уже знал, что это такое. Наказание отбывается в исправительном центре, а с разрешения начальника можно проживать на арендованной или даже собственной жилплощади. Главное, договориться. Для этого и существуют деньги, а с этим пока без проблем...

– Как назначит суд, так и буду отбывать наказание, – с видимой скромностью потупил он взгляд.

– Да, наказание определит суд. Он же учтет показания гражданки Семирядской, которая утверждает, что вы не любите свою жену и однажды уже пытались избавиться от нее...

Мысленно Казимиров согласился со своей «дражайшей» тещей. Действительно, три года назад, катаясь с женой на лодке, он нарочно перевернул ее. Знал, что Рита не умеет плавать. Она тонула, а он изображал судорогу. И если бы в последний момент не выиграла совесть, он бы еще три года назад стал вдовцом... Рита только сделала вид, что поверила в его судорогу, а матери своей рассказала, что муж хотел ее убить. Мать ее...

– У вас есть теща? – взывая к следователю, с ироничной усмешкой спросил Станислав.

– Есть.

– И как вы с ней живете?

– Душа в душу.

– Не типично.

– Может быть.

– А мы как кошка с собакой жили.

– Бывает.

– А сейчас Ирина Дмитриевна совсем с цепи сорвалась. За дочь мне мстит... Про случай на озере вам рассказала? Как я жену чуть не утопил...

– Но ведь было дело?

– Было. Но я спас ее, а не утопил.

– Не знаю. Гражданка Семирядская утверждает, что ее дочь спаслась собственными усилиями...

– Врет она все.

– А про то, что последние пять лет вы чуть ли не открыто живете с бывшей женой вашего брата, это тоже вранье?

– Бред старой женщины.

– Вы постоянно скандалили с женой.

– Это все наговоры.

– Соседи вашей тещи утверждают, что в последнее время ваша жена часто ночевала у своей матери. Говорят, что вы выгоняли ее из дома...

– Соседские сплетни, не более того... Что говорят мои сыновья?

– Ну, они говорят, что у вас в семье скандалов не было... – досадливо поморщился Ефимцев.

– Им и верьте.

– Они не хотят свидетельствовать против вас.

За своих домашних Станислав был спокоен. Главой своей семьи он был в полном смысле этого слова, всех держал в кулаке. Рита, правда, иногда артачилась, но и с ней он справлялся.

– Не хотят и не будут, потому что упрекнуть меня не в чем.

– Но мать вашей жены другого мнения. Она считает, что вы убили ее нарочно. Чтобы в дальнейшем беспрепятственно сожительствовать с бывшей женой вашего брата...

Станислав пренебрежительно усмехнулся. Тещу свою он терпеть не мог, но она в чем-то была права. Он действительно крутил любовь с Витторией, и об этом знали почти все, в том числе и жена...

* * *

Станислав шел в комнату к Виттории. Время – половина десятого вечера, домашние еще не спят. Но ему было все равно. Он хотел ее прямо сейчас, и ничто, казалось, не могло его остановить.

– Стой! Руки вверх!

Герберт вынырнул откуда-то из-под лестницы в левом крыле здания. В одной руке пластиковый пистолет, направленный точно на Станислава. Глупая улыбка, глупый взгляд.

– Стою!

Станислав подыграл сыну – поднял руки. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Обычно Герберт не доставлял родителям хлопот. Еще десять лет назад Станислав купил ему компьютер, который и увлек его. В мире виртуальной действительности он был совершенно здоров и полон молодецких сил. А еще ему нравилось ездить на машине, на ней он не чувствовал себя инвалидом. Но сегодня на него нашла блажь. Ни компьютер его не занимал, ни автомобиль.

Герберту было два года, когда из уст врачей прозвучал страшный диагноз – церебральный паралич. Несмотря на их усилия, болезнь прогрессировала, в конечном итоге превратив мальчика в инвалида. Со временем течение болезни замедлило свой ход, а затем и вовсе остановилось. Станислав делал все, что было в его силах, – когда появилась возможность, свозил его в заграничную клинику, где он прошел курс лечения по какой-то прогрессивной методике.

Но это мало чем помогло. Как был Герберт инвалидом, так им и остался. На своих двоих он перемещался с большим трудом, зато на машине научился ездить. И как ездит...

– Ты к ней не ходи! – мотнул головой Герберт.

Станислав понял, о чем говорит сын. Он не пускал его к Витте.

– Почему?

– Потому что мама плачет.

– Ты не понимаешь.

– Я все понимаю. Не ходи к ней, нельзя так.

– А как можно?

– Все можно. Но не к ней...

– Я ненадолго.

– Ну, если так...

Герберт уныло вздохнул, опустил руку с пистолетом и заковылял вверх по лестнице, с силой опираясь на перила.

Станислав проводил сына взглядом и продолжил путь.

Первый дом достался ему от родителей – без удобств, но большой и двухэтажный. Сюда он и сосватал Витторию после того, как Ростислав ушел от нее к молодой красотке. Она не очень-то хотела, но он убеждал – дескать, Ростислава пристыдить надо. Узнает, где обитает брошенная им семья, и заговорит в нем совесть...

Совесть в брате не заговорила, и Витта осталась здесь. Семья большая – престарелые родители, жена, невестка, шесть детей. Пришлось Станиславу строить новый дом, еще больший. Участок у родителей был солидный по площади, к тому же соседний продавался. В общем, отгрохал роскошный особняк – без малого семьсот квадратов общей площади плюс крытый бассейн. Много пришлось потрудиться, чтобы раздобыть деньги на строительство, но в конце концов Станислав осилил сначала один, а затем и второй проект. Теперь у него и дом чуть ли не самый большой в городе, и придорожный сервис-центр. Жизнь, можно сказать, удалась. Еще бы постылую жену куда-нибудь спровадить, чтобы не отравляла существование...

Витта сидела перед зеркалом, когда он вошел. Распушенные волосы, шелковая ночная рубашка. Пусть и не молодая, но все такая же красивая, как прежде. Сколько лет он грешит с ней, а все не может насытиться.

– Меня ждешь? – спросил он и мягким движением опустил руки ей на плечи.

– Что-то ты сегодня рано, – сказала она и нежно коснулась щекой внешней стороны его ладони. – Нельзя так.

– Вы что, сговорились? – нахмурился Станислав. – Сначала сын указывает мне, что можно, а что нельзя. Теперь ты...

– Какой сын?

– Старший. С пистолетом у меня на пути встал.

– С пистолетом?

– Да, пластиковый...

– Я думала, он твой нашел...

– Мой?! – задумался Станислав.

А ведь у него действительно был пистолет. Боевой. Но Герберт не мог его найти... А если это Германа пистолет? Или Себастьяна... Они тоже хорошо прячут оружие, но мало ли что... А ведь пистолет, который был у Герберта, внешне напоминал «беретту».

– А вдруг?

– Ты погоди, я сейчас...

Выстрел прозвучал в тот момент, когда Станислав закрывал за собой дверь из комнаты Виттории. Настоящий громовой выстрел из боевого пистолета. В страшном предчувствии он взлетел на второй этаж, откуда донесся звук, и увидел стоящего посреди коридора Герберта.

На полу возле самых ног лежал еще дымящийся пистолет. И если бы только это. Чуть поодаль, у распахнутых дверей в спальню, распластав руки, лежала Рита. Во лбу кровавая дырочка, под голову натекала кровавая лужа.

– Ты зачем это сделал? – в диком изумлении посмотрел на сына Станислав.

Но тот, казалось, ничего не услышал – настолько было сильно его потрясение. Он смотрел на мать ничего не соображающими глазами, его тело сотрясалось как в лихорадке.

Еще совсем недавно Станислав мечтал избавиться от жены, даже строил планы на этот счет, но сейчас ему было безумно жаль Риту. Как будто часть души вырвало этим выстрелом.

– Я спрашиваю, зачем ты это сделал?

Не в себе он схватил сына за грудки, с силой тряхнул его. И это в какой-то степени вывело его из ступора.

– Я не хотел... Случайно вышел...

– Нельзя в людей целиться, идиот!

– Я не хотел!

– Урод!!!

Он в сердцах оттолкнул от себя сына, склонился к жене. Пуля попала в лоб, вышла через затылок. Смерть была мгновенной. И жуть какой нелепой.

– Где ты пистолет взял? – снова набросился он на сына.

– У Германа был...

– Какого черта он у него делал?

Вместо того чтобы ответить, Герберт зарыдал, размазывая по лицу градом хлынувшие слезы.

Станислав вдруг обнаружил, что рядом с ним стоит Витта, за ней со стороны лестницы к ним подходили его сыновья.

– Отец, это что такое? – ошалело выпучив глаза, спросил Герман.

– А это что такое?

Станислав порывисто подобрал с пола пистолет и приставил ствол к голове сына.

– Это твоя железка, идиот! У тебя Герберт ее взял!

– Да не может быть! Я хорошо спрятал!

– Сейчас я тебя спрячу, на два метра в землю!

– Отец, прости!

– Мы с тобой еще поговорим, ублюдок!

Станислав убрал ствол и со всей силы наотмашь ударил Германа внешней стороной ладони. И это в какой-то степени сняло напряжение.

– Что делать будем? – обращаясь ко всем, спросил он.

– Это убийство, – сказала Витта. – Но Герберту много не дадут. Признают невинными...

Она была бледной как смерть – такой Станислав ее никогда еще не видел.

– А если он сдуру разболтает про нас?

У кого-то в семье по скелету в шкафу, а у них – целое кладбище.

– Труп спрятать можно, – сказал Себастьян. – Закопать, например...

– Лучше гирю к ногам, и в реку, делов-то, – вытирая кровь с разбитой губы, сказал Герман.

Станислав потрясенно смотрел на своих сыновей. Их мать лежит мертвая, а они спокойно рассуждают о том, как можно избавиться от трупа... Но ведь сам их такими воспитал. К тому же они были правы – Герберта нужно было выручать. Он хоть и придурок, но сын родной.

Труп Риты загрузили в машину, но за руль Станислав сел сам. Не захотел он, чтобы сыновья участвовали в похоронах своей матери. А Игорь и Олег вместе с Риммой сейчас находились в «Беллиссимо», в ночной смене. Их в убийство решено было пока не посвящать...

Станислав остановил машину на безлюдном в ночную пору мосту, собирался открыть багажник, когда к нему подъехал экипаж патрульной службы. Багажник ему пришлось открыть, чтобы показать его содержимое. Показал. И тут же пришлось подставить руки под наручники.

На первом же допросе он признался, что жену застрелил сам. И любовь к старшему сыну здесь ни при чем. И тогда он понимал, что в тюрьме ломаются и дают волю своему языку. Сейчас он точно это знал. Герберт мог разболтать многое, поэтому Станислав и сел вместо него. О чем сейчас очень жалел.

* * *

– И что?

– Мы обязаны принять во внимание показания, которые она дала против вас. Есть мнение, что вы умышленно убили свою жену. И это мнение будет представлено в суде...

– Вам бы только человека засадить.

– А вы и так сядете. Суд не признает убийство по неосторожности. Ведь вы же не сообщили об убийстве. Пытались вывезти труп за город, чтобы спрятать...

– Да нет, я в милицию его вез.

– Только милиция почему-то в другой стороне была. А веревку и две двухпудовые гири в багажнике тоже в милицию везли?.. Боюсь, что в суде дураков нет, – ехидно усмехнулся следователь. – Вряд ли вам поверят... Но если все же суд признает убийство по неосторожности, есть еще двести двадцать вторая статья, незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия... Но...

Ефимцев сделал многозначительную паузу и с какой-то театральной важностью замер в ожидании. Станислав счел нужным ему подыграть.

– Что «но»?

– Если вы признаетесь, у кого и когда покупали оружие, то суд, возможно, смягчит меру наказания по этому пункту...

– Да я бы признался. Но я не знаю этих людей. Они не представлялись. Сами подошли, купи, говорят, хороший ствол, недорого берем. Ну и дернул меня бес...

– Где подошли?

– Да на рынке, на городском...

– Значит, имен и фамилий их не знаете.

– Нет.

– А опознать сможете?

– Э-э... Думаю, что да...

– А субъективный портрет составить?

– Простите, что составить?

– Фоторобот, иначе говоря...

Станислав на мгновение задумался. Никто не подходил к нему на рынке, и не на кого было составлять фоторобот. Но ведь можно придумать несуществующих людей. Лоб такой, нос такой, рот, подбородок... Что-нибудь да сляпает.

– Э-э... Да, наверное, смогу...

– Хорошо, как-нибудь займемся этим. А пока у меня к вам вопросов нет...

Станислав думал, что конвоир отправит его в камеру, но он повел его в другом направлении. Доставил в знакомый кабинет заместителя начальника оперативной части.

Капитан смотрел на него холодно и даже с каким-то отчуждением, но сигарету предложил сразу.

– Как дела? Как настроение? – издали начал он.

– Спасибо, ничего. У следователя был.

– Следователь – это хорошо. Плохо то, что вы в камере повели себя неправильно...
– Почему неправильно? Как приняли, так себя и повел. А приняли плохо...
– Во всех камерах вас плохо принимают. Почему?
– А потому, что не хочу под чужую дудку плясать...
– Свои порядки больше нравятся?
– Ну да, своя рубашка ближе к телу.
– Рубашка бывает разной. Например, есть деревянные рубашки. Они еще гробами называются, не слышали о таких?

– Это вы о чем, капитан? – нахмурился Казимиров.

Не нравится ему этот разговор. И сам Сизов не нравится. Что-то не то он говорит...

– А о том, что врагов у вас много. В одной камере врагов нажили, теперь в другой...

– Дерьмо это, а не враги.

– Нож в спину воткнут, тогда точно дерьмо пойдет...

– Постараюсь спину не подставлять.

– Ну, ну... Плохо вы ведете себя, Казимиров, смотрящим в камере себя назначили, так я понимаю?

– Зачем смотрящий? Я же не уголовник вам какой-то, чтобы так называться. Просто старший по камере... А вас что, больше смотрящие устраивают, которых тюремный блаткомитет назначает?

– Мне нравится, когда в камере тихо и спокойно.

– Будет вам тишина и спокойствие, обещаю.

Станислав понимал, что Сизову ничего не стоит подложить ему свинью. Наверняка на вооружении у него есть пара – другая способов, чтобы испортить арестанту жизнь.

– Как вы можете обещать то, в чем вы не уверены? Сегодня у вас все хорошо, а завтра тот же Щербатый посадит вас на нож.

– Так уберите Щербатого, – подсказал Казимиров. – И Арканыча заодно... А я вам заплачу...

– Что?! – встрепенулся Сизов. – Вы мне заплатите?

– Здесь же все продается и покупается – хорошие камеры, вкусная еда, водка...

– Будем считать, что вы этого мне не говорили.

– Но я же видел.

– Лично я ничего не продаю. А хорошая камера вам досталась... – запнулся Сизов. Он был немного смущен. – Вы сами знаете, почему она вам досталась.

– Спасибо Римме, да?.. Как вы с ней вчера провели время?

– Это к делу не относится.

– Ну, не знаю... Так что, можно сделать так, чтобы Щербатого в камере больше не было? И Арканыча тоже... А то ведь случится, не ровен час, что-нибудь.

– Это угроза?

– Да, но для меня. Со мной ведь может что-нибудь случиться... Римма вам этого не простит...

Капитан смутился еще больше. Но смятение чувств продолжалось недолго. Он взял себя в руки, лицо стало жестким и непроницаемым, как забрало рыцарского шлема.

– Совесть у вас есть, Казимиров, на женских плечах в рай въезжать? – беспощадно пристыдил он Станислава.

И ведь умыл. Дрогнуло что-то в душе.

– Но если вы денег не берете, – замылся он. – А от Щербатого всего можно ждать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.